

DOI: 10.15393/j10.art.2019.4181

УДК 930.25

Б. Н. Тихомиров*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

Петербург Достоевского-петрашевца (опыт построения справочника-путеводителя)*

Аннотация. Публикация представляет собою опыт создания справочника-путеводителя по Петербургу Достоевского-петрашевца. В систематическом порядке описываются все адреса Северной столицы, которые так или иначе оказываются значимыми для биографии Достоевского — участника социалистического кружка М. В. Буташевича-Петрашевского. Сообщаются сведения о событиях в жизни писателя, связанных с тем или иным адресом. Для всех сведений указываются документальные, мемуарные, эпистолярные и иные источники. Каждая статья-миниатюра, посвященная отдельному адресу, сопровождается пристатейной библиографией. Материалы справочника-путеводителя по возможности выстроены в хронологическом порядке — от кондитерской Вольфа, где в мае 1846 г. произошло знакомство Достоевского с Петрашевским, до Семеновского плаца, на котором 22 декабря 1849 г. состоялась инсценировка обряда смертной казни над петрашевцами, и маршрута отправки писателя в ночь перед Рождеством из Петропавловской крепости в Сибирь. Наряду с историческими адресами, описываемыми в соответствии с документами эпохи 1840-х гг., во всех случаях указывается современный адрес тех мест, где бывал Достоевский-петрашевец.

Ключевые слова: Достоевский, Петербург, петрашевцы, краеведение, адреса, маршруты, путеводитель, источники

Об авторе: Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 05.07.2019

Дата публикации: 14.09.2019

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Петербург Достоевского-петрашевца (опыт построения справочника-путеводителя) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 3. — С. 18–66. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4181

Казалось бы, тема «Петербург Достоевского», рассмотрению которой посвящены десятки статей и даже несколько специальных монографических изданий, изучена вдоль и поперек. Но это обманчивое впечатление. Стоит подойти поближе и взять, к примеру, какой-нибудь хронологически ограниченный период или сфокусировать внимание на какой-то отдельной стороне биографии Достоевского, как сразу бросаются в глаза серьезные лакуны и укоренившиеся ошибки и неточности в краеведческой литературе, затрагивающей названную тему. Также обнаруживается и другое — отсутствие строгого научного подхода в большей части публикаций, авторы которых указывают места в Северной столице, связанные с именем великого писателя, без каких-либо ссылок на источники

или не умея осуществить необходимую критику источников. Тема «Петербург Достоевского-петрашевца» в этом отношении весьма показательна. В биографической и краеведческой литературе твердо называется, пожалуй, лишь адрес самого писателя времени, когда он посещал социалистический кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, — знаменитый дом Шиля на углу Малой Морской улицы и Вознесенского проспекта. Здесь ранним утром 23 апреля 1849 г. он был арестован, и данный адрес увековечен мемориальной доской, текст которой сообщает, что «в этом доме с 1847 по 1849 год жил Федор Михайлович Достоевский»¹. Указывается также кондитерская на Невском проспекте у Полицейского моста, в которой весной 1846 г. произошло знакомство Достоевского с Петрашевским, — событие, положившее начало «петрашевскому периоду» биографии писателя. Но уже здесь широко тиражируются устаревшие к середине 1840-х гг. сведения. Что же касается дома, где на «пятницах» у Петрашевского бывал Достоевский, то его адрес издавна называется краеведами неверно, так же как неверно дается его внешнее описание, а дата первого появления писателя на собраниях вольнодумцев, проходивших на Покровской площади в Коломне, даже в академическом издании указывается с вопиющим противоречием². Если к этому добавить, что из других адресов, где собирались петрашевцы (кружок Дурова, кружок Плещеева и др.), петербургскими краеведами обычно упоминается лишь дом Николая Спешнева на Кирочной улице, причем, как правило, без необходимой конкретизации, когда и в связи с чем там бывал Достоевский, то необходимость целостного и строго научного, с опорой на источники, рассмотрения темы, вынесенной в заголовок настоящей публикации, становится вполне очевидной.

Предварительно представляется целесообразным кратко изложить сведения об адресах самого писателя за период, который условно можно назвать «петрашевским». Впрочем, начальная граница этого периода является до некоторой степени дискуссионной. Навряд ли правомочным будет посчитать началом этого периода краткую встречу писателя с М. В. Буташевичем-Петрашевским на Невском проспекте в мае 1846 г., с которой началось их знакомство (см.: *Вольфа кондитерская*)³. После этой встречи пройдет еще почти полгода до первого появления Достоевского в доме Петрашевского. Тем не менее укажу, что писатель жил в это время во 2-м квартале Московской части, в доме Павловых по Троицкому переулку, № 31 на углу Щербакова переулка, № 11 (соврем. адрес: ул. Рубинштейна, № 32, угол Щербакова пер., № 10). Достоевский квартировал в этом доме очень короткое время, всего несколько недель, перед отъездом на всё лето 1846 г. к старшему брату Михаилу в Ревель, и нам мало что известно об этом его адресе⁴.

Впервые Достоевский, по-видимому, побывал в доме Петрашевского в Коломне 8 ноября 1846 г. Во всяком случае не позднее этой даты. Но посещения Петрашевского «пятниц» тогда отнюдь не стали у Достоевского регулярными. Это был особый случай — день ангела хозяина дома. При

каких обстоятельствах Достоевский получил приглашение на ужин по поводу именин Петрашевского, мы не знаем. Известно только, что он присутствовал в доме на Покровской площади с Валерианом Майковым, который называл Петрашевского «сумасбродным человеком», «не любил ни его, ни его собраний и старался с ним видаться как можно реже» (Д30; 18: 168). Такая аттестация Петрашевского человеком, мнение которого Достоевский уважал, тоже не располагала к тому, чтобы писатель начал регулярно бывать на журфиксах в этом доме. Впервые на собственно «пятничных» собраниях он появится лишь где-то месяца через три-четыре. Тем не менее укажем для полноты картины, что в ноябре 1846 г. писатель проживал во 2-м квартале 2-й Адмиралтейской части, в доме купца 3-й гильдии Бернгардта Кохендёрфера, на углу Большой Мещанской улицы и Казанской площади, № 1/29, в квартире мадам Капдевилль⁵.

В доме Кохендёрфера Достоевский тоже прожил недолго, немногим более трех месяцев. Следующий его адрес, с декабря 1846 г., — в доме титулярного советника Василия Солошича на Большом проспекте Васильевского острова. Писатель в это время являлся деятельным участником молодежного кружка братьев Бекетовых, членами которого были Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, Вал. Н. Майков, А. В. Ханьков и другие. Достоевский даже поселился на одной квартире с Алексеем, Андреем и Николаем Бекетовыми, именую их совместное житье-бытье «ассоциацией». Он был очень увлечен новыми дружескими отношениями, и в эти месяцы у него не было потребности посещать еще какие-то иные кружки.

Скорее всего, именно тогда, когда из-за отъезда в феврале 1847 г. братьев Бекетовых из Петербурга в Казань «ассоциация» прекратила свое существование, Достоевский и начал посещать «пятницы» Петрашевского на Покровской площади. Сам он в это время переехал с Васильевского острова в дом купца 3-й гильдии Якова Шиля, находившийся во 2-м квартале 1-й Адмиралтейской части, на углу Малой Морской улицы и Вознесенского проспекта, № 24/7 (соврем. № 23/8). Здесь он занимал небольшую комнату на третьем этаже в меблированных номерах Бреммера. Этот адрес писателя и является важнейшим, от которого «веером» расходятся все маршруты Достоевского-петрашевца — и на «пятницы» в Коломну, и на собрания кружков Плещеева и Дурова, и в дома Спешнева и Григорьева, и к ближайшему другу Аполлону Майкову, которого писатель однажды ночью безуспешно агитировал вступить в «особое тайное общество», выделившееся из среды петрашевцев.

Сюда, в дом Шиля, не однажды к Достоевскому заходил М. В. Петрашевский, именно здесь осенью 1847 г. познакомившийся с приехавшим в Северную столицу из Ревеля братом писателя Михаилом Михайловичем⁶. После этого и старший Достоевский стал посетителем «пятниц» Петрашевского в Коломне. Сюда заходили и другие петрашевцы — Плещеев, Головинский, Филиппов...

Однако, вопреки укоренившемуся представлению, которое нашло отражение даже в тексте мемориальной доски, установленной 24 августа 2000 г. на доме Шиля, это не единственный адрес Достоевского в период посещения им в 1847–1849 гг. «пятниц» Петрашевского. Является малоизвестным тот факт, что с января 1848 г., оставив квартиру Бреммера, Достоевский несколько месяцев прожил в невзрачном доме коллежского асессора Михаила Протопопова в 4-м квартале 3-й Адмиралтейской части, на Большой Подъяческой улице, № 6 (соврем. № 7). И хотя в бумагах писателя сохранилась полицейская регистрация по этому адресу, в краеведческой литературе он до последнего времени не упоминался⁷.

27 сентября 1847 г. в Петербург приехал вышедший в отставку Михаил Достоевский и первоначально поселился у брата Федора в квартире Бреммера. Но жить вдвоем в одной комнате братьям было тесно. Вот почему в январе 1848 г. они вдвоем сняли более обширное помещение на Большой Подъяческой улице в доме Протопопова. В первой декаде апреля 1848 г. к Михаилу из Ревеля приехала жена Эмилия Федоровна с детьми, и они семейно поселились в доме купца М. Неслинда на Невском проспекте. Достоевский же остался один на Большой Подъяческой, где прожил до конца мая — начала июня. Летние месяцы он провел на даче в Парголово, а затем вновь вернулся в квартиру Бреммера в доме Шиля, о чем, кстати, свидетельствует повторная полицейская регистрация писателя по этому адресу, датированная 9 сентября 1848 г.⁸

Бывал ли кто-нибудь из петрашевцев в гостях у Достоевского в доме Протопопова, документально не установлено. Но то, что сам писатель в первой половине 1848 г. ходил из этого дома на «пятницы» Петрашевского в Коломну, бесспорно. Так что и данный адрес необходимо отметить на карте Петербурга Достоевского-петрашевца.

И тем не менее важнейшим, несмотря на сделанное важное уточнение, для избранной темы остается дом Якова Шиля. Именно здесь в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. Достоевский был арестован. Вот как он сам рассказал об этом событии:

«Двадцать второго или, лучше сказать, двадцать третьего апреля (1849 год.) я воротился часу в четвертом от Григорьева, лег спать и тотчас же заснул. Не более как через час я, сквозь сон, заметил, что в мою комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задевшая. Что за странность? С усилием открываю глаза и слышу мягкий, симпатический голос: “Вставайте!”

Смотрю: квартальный или частный пристав, с красивыми бакенбардами. Но говорил не он; говорил господин, одетый в голубое (то есть жандарм. — Б. Т.), с подполковничьими эполетами.

— Что случилось? — спросил я, привстав с кровати.

— По повелению...

Смотрю: действительно “по повелению”. В дверях стоял солдат, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля... “Эге, да это вот что”, — подумал я. <...>

Пока я одевался, они потребовали все книги и стали рыться; не много нашли, но всё перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Пристав обнаружил при этом много предусмотрительности: он полез в печку и пошарил моим чубуком в старой золе. Жандармский унтер-офицер, по его приглашению, стал на стул и полез на печь, но оборвался с карниза и громко упал на стул, а потом со стулом на пол. Тогда прозорливые господа убедились, что на печи ничего не было. <...>

Мы вышли. Нас провожала испуганная хозяйка и человек ее, Иван, хотя и очень испуганный, но глядевший с какою-то тупою торжественностью, прилично событию, впрочем, торжественностью не праздничною. У подъезда стояла карета; в карету сел солдат, я, пристав и полковник; мы отправились на Фонтанку, к Цепному мосту у Летнего сада» (ДЗ0; 18: 174).

Достоевский здесь не во всех деталях точен. Так, он называет жандармского офицера, руководившего арестом, то подполковником, то даже полковником, но из документов известно, что предписание произвести арест писателя получил *майор* жандармского дивизиона Василий Чудинов⁹. Однако в целом картина воссоздана вполне достоверно¹⁰, и нет никаких оснований всерьез рассматривать альтернативный сценарий этих событий, апеллируя к фантастическим «воспоминаниям» с чужих слов, да еще зафиксированным в двойном пересказе, согласно которым, якобы, когда полиция явилась в меблированные номера Бреммера, «дверь к Достоевскому была заперта. Когда жандармы выломали ее, то Достоевский стоял у разбитого окна, в которое намерен был броситься, но вовремя был остановлен жандармами. Он долго боролся, пока его не взяли и не вынесли из дома на руках совершенно обессиленного» [Пинчук: 38]. Это, конечно же, чистой воды вымысел!

Рассмотрев собственные адреса писателя за интересующий нас период, перехожу к иным краеведческим материалам, организованным в форме своеобразного справочника-путеводителя, состоящего из статей-миниатюр, каждая из которых посвящена определенному петербургскому адресу. Дальнейшее изложение будет построено как систематическое представление данных обо всех местах на карте Петербурга, так или иначе связанных с биографией Достоевского-петрашевца, — от его первой встречи с М. В. Буташевичем-Петрашевским в мае 1846 г. до инсценировки смертной казни на Семеновском плацу морозным утром 22 декабря 1849 г. и отправки писателя через два дня, в ночь перед Рождеством, по этапу в Сибирь. В заголовочной части каждой статьи дается топографическое (кондитерская Вольфа, дом Спешнева, квартира Майкова), административное (III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, секретный

дом Алексеевского равелина) или условное, традиционно принятое в исторической литературе («пятницы» Петрашевского, кружок Дурова, «фаланстер» Головинского и Барановского) обозначение мест, где происходили события, относящиеся к избранной теме. Указывается их исторический и современный адрес. Характеризуются, с указанием точных дат или хронологического интервала, события, связанные в биографии Достоевского-петрашевца с данным местом Северной столицы. В обязательном порядке приводятся источники излагаемых сведений. Каждая статья сопровождается списком литературы вопроса. Тексты Достоевского цитируются по академическому Полному собранию сочинений (*Д30*) с указанием при цитатах в скобках тома и страницы; для томов 28–30 также указывается номер полутома (книги). По принятому в справочной литературе обыкновению сам Достоевский обозначается в тексте сокращенно — литерой Д. Также сокращенно, первыми буквами, обозначается в тексте каждой статьи повторяющаяся в изложении ее заголовочная часть (например: **Семеновский плац** → **С. п.**).

Последовательность статей в общей композиции справочника-путеводителя «Петербург Достоевского-петрашевца» по возможности подчинена хронологии событий в жизни писателя: от весны 1846-го до декабря 1849 г. Адреса, которые писатель посещал в течение длительного времени, как правило, регистрируются с учетом начальной даты.

* * *

Вольфа кондитерская (быв. Вольфа и Беранже). После перестройки, имевшей место в 1834 г., старинная кондитерская швейцарца С. Вольфа и француза Т. Беранже, находившаяся на Невском проспекте, у Полицейского моста через Мойку, в доме купца Михайлы Котомина, № 19 (соврем. № 18), приобрела новый облик, будучи оформленной в китайском стиле, и получила название «Café chinois» — «Китайская кофейня» (1, с. 533–534). К 1843 г. (или даже ранее) компаньоны разошлись: Беранже открыл собственную ресторацию на углу Вознесенского проспекта и Адмиралтейской площади, а их заведение на Невском проспекте стало именоваться «Китайский кафе Саломона Вольфа» (2, с. 132). «Ни в одной кондитерской, — вспоминал современник, — не было столько журналов и газет, как здесь, и затем молодежь пила здесь кофе и шоколад чуть не ведрами...» (3, с. 168). Д. нередко появлялся в «Китайской кофейне» Вольфа, которая имела репутацию своеобразного «литературного клуба». Именно здесь в мае 1846 г. произошла судьбоносная встреча писателя с М. В. Буташевичем-Петрашевским (4, с. 100–108; 5, с. 37–39). «Знакомство наше было случайное, — вспоминал об этом событии Д., отвечая в июне 1849 г. на вопросы Следственной комиссии. — Я был, если не ошибаюсь, вместе с Плещеевым, в кондитерской у Полицейского моста и читал газеты. Я видел, что Плещеев остановился говорить с Петрашевским, но я не разглядел лица Петрашевского. Минут

через пять я вышел. Не доходя Большой Морской (то есть непосредственно перед домом Кононова. — *Б. Т.*), Петрашевский поровнялся со мною и вдруг спросил меня: “Какая идея вашей будущей повести, позвольте спросить?” Так как я не разглядел Петрашевского в кондитерской и он там не сказал со мною ни слова, то мне показалось, что Петрашевский совсем посторонний человек, попавшийся мне на улице, а не знакомый Плещеева. Подоспевший Плещеев разъяснил мое недоумение: мы сказали два слова и, дошедши до Малой Морской, расстались. Таким образом, Петрашевский с первого раза завлек мое любопытство» (*ДЗ0*; 18: 138). «Эта первая встреча с Петрашевским была накануне моего отъезда в Ревель», — свидетельствует Достоевский (*ДЗ0*; 18: 138). В Ревель (ныне Таллин) погостить в летние месяцы у брата Михаила писатель отправился на пароходе «Сторфурстен» 24 мая 1846 г. (см.: Северная пчела. 1846. 28 мая. № 117. С. 468. Пароходство <Список пассажиров>). Таким образом, устанавливается время знакомства Достоевского с Петрашевским.

Лит.: (1) Северная пчела. 1835. 18 июня. № 134; (2) *Греч*. 1846; (3) *Алянский*. Т. 3; (4) *Тихомиров*. 2012; (5) *Тихомиров*. 2018.

Петрашевского «пятницы». Знакомство Д. с М. В. Буташевичем-Петрашевским (1821–1866) на Невском проспекте, около *Вольфа кондитерской*, состоялось в мае 1846 г. Согласно показаниям Д. Следственной комиссии по делу петрашевцев, он пошел к Петрашевскому после этой встречи «в первый раз уже около поста, сорок седьмого года» (*ДЗ0*; 18: 138). Великий пост начинался в 1847 г. 3 февраля. Казалось бы, с января-февраля 1847 г. и надо вести биографам Д. счет посещения писателем **П. п.** в Коломне, в доме на Покровской площади. Однако другое его показание заставляет отнести эту дату на три месяца ранее. Еще на одном допросе Д. показал, что он был на приеме «в именины Петрашевского, в *званный вечер*» (*ДЗ0*; 18: 168). Составители «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» датировали это событие 8 ноября 1847 г. (1, с. 138). Но поскольку Д. называет присутствовавшего вместе с ним на именинах Валериана Майкова, утонувшего 27 июля 1847 г., то это могло быть только 8 ноября 1846 г. С этой датой корреспондирует и другое свидетельство Д.:

«В первые два года знакомства (то есть с осени 1846 по осень 1848 г. — *Б. Т.*) я бывал у Петрашевского очень редко; иногда не бывал по три, по четыре месяца и более. В последнюю же зиму я стал ходить к нему чаще» (*ДЗ0*; 18: 138).

Где проходили **П. п.**? На этот вопрос даются разные ответы. Дело в том, что на Покровской площади в Коломне у Петрашевских было два дома. Их исторический адрес: в 4-м квартале 4-й Адмиралтейской части по Большой Садовой улице № 116 и № 118 (2) (соврем.: участок дома № 109, левая часть, и № 111–113). Начиная с книги историка Северной столицы

П. Н. Столпянского «Революционный Петербург» (1922) в краеведческой литературе укрепилось мнение, что **П. п.** проходили в первом из двух названных домов — № 116:

«Домик был деревянным, маленьким, типичным домиком старой Коломны; наверху крыши шел резной конек, резьба была и под окнами; на улицу выходило крылечко с покосившимися от времени ступеньками, лестница в два марша вела на второй этаж, ступеньки и дрожали, и скрипели...» (3, с. 10).

Дом этот сторел в конце 1850-х гг., чертежей его тоже не сохранилось. Так что в приведенной художественной зарисовке много произвольного¹¹. Важнее, однако, другое: М. В. Петрашевский проживал в этом домике с матерью и сестрами до осени 1845 г., занимая половину общей квартиры. Но затем он перебрался в соседний четырехэтажный каменный дом, заняв там на третьем этаже квартиру № 9¹². По-видимому, переезд был связан с начавшимися именно в это время собраниями на квартире хозяина, которые с февраля-марта 1846 г. приобрели регулярный характер. Б. В. Федоренко нашел уникальные документы, однозначно свидетельствующие в пользу дома № 118. В частности, сведения из переписки *Третьего отделения*, где прямо указано:

«...один (дом. — Б. Т.) большой, каменный, в несколько этажей, где живет сам Петрашевский, другой дом деревянный, рядом с первым, где живет мать с двумя незамужними дочерьми. Оба дома эти на Покровской площади» (4, 128).

Позднее, когда сын ее уже находился в Сибири, мать Петрашевского, печалуясь об убытках, которые она несла, сообщала, указав номер дома в более привычной для горожан старой нумерации 1830-х гг.:

«...доходов с дома № 346 недобрано <...> по следующим причинам: во 1-х, **квартира № 9 была занята совершеннолетним наследником, бывшим титулярным советником Петрашевским**, и оставалась после него опечатанною почти до конца года (видимо, до завершения работы Следственной комиссии. — Б. Т.) и тогда уже отдана жильцам...» (4, 129–130).

По описи, составленной в августе 1845 г., квартира № 9 выглядела так:

«На Садовую улицу <...> комнат 4, во двор две, передняя, 4 комнаты обиты обоями. Окон на улицу Садовую 8 и балкон, на площадь 3 окна, во двор три и на лестницу одно» (4, 124).

Вот в этой квартире с 1846 по 1849 г. проходили **П. п.** Здесь на именинах хозяина 8 ноября 1846 г. впервые появился Д.¹³

Указанный каменный 4-этажный дом на углу Садовой улицы и Покровской площади был построен в начале XIX в.; в 1874 г. архитектором Э. Г. Юргенсом был надстроен пятый этаж; в 1909 г. дом был капитально перестроен архитектором С. Г. Гингером (5, с. 97)¹⁴.

В показаниях Следственной комиссии Петрашевский сообщал:

«В начале 1846 года в феврале или марте назначил я пятницу для приема приятелей. Они были весьма малочисленны до 1848 года <...>. В течение этого времени, т. е. с 1846 по 1848, речей никто не говорил, а был обыкновенный простой разговор. Разговоры сии особого характера и духа не имели, а определялись личностью говорящего» (6, с. 152–153).

«В мае 1848 года сделал я предложенье для прекращения бессвязного разговора, чтоб всякий говорил о том, что лучше знает, но сие тогда не привелось в исполнение — по причине разъезда на дачи. С ноября же 1848 года я старался, чтоб у меня на вечерах по пятницам обыкновенно кто-нибудь о чем-нибудь говорил <...>. Предложение мое состояло, чтоб рассуждаемо было ученым образом...» (6, с. 150).

Петрашевский, конечно же, в этой характеристике своих вечеров о многом умалчивает (так, например, еще в первой половине 1848 г. Н. Я. Данилевский систематически излагал на **П. п.** систему Фурье), но, как представляется, вектор внутреннего развития обстановки на собраниях в своем доме он обозначает относительно верно. О развернутых, иногда читавшихся на нескольких «пятницах» подряд «ученых» докладах, например, К. И. Тимковского (о фурьеризме), Ф. Г. Толля (о происхождении религии) или И. Л. Ястржембского (о первых началах политической экономии) известно лишь в отношении последних месяцев существования **П. п.** И показательно, что, по уже приведенному признанию Д., именно начиная с зимы 1848/49 г. он начинает «ходить к нему [Петрашевскому] чаще». Но и в этот период «был у него не более восьми раз» (ДЗ0; 18: 118, 138).

Данных о первых двух годах посещения Д. дома на Покровской площади крайне мало. Известно, что в самом начале 1848 г. он привел на вечера к Петрашевскому своего старшего брата Михаила, незадолго до этого переехавшего в Петербург из Ревеля. Сохранилось мемуарное свидетельство, что на вечерах у Петрашевского Д. «читал отрывки из своих повестей “Бедные люди” и “Неточка Незванова”» (9, с. 294), причем последняя, над которой он работал с конца 1846 г., была представлена «гораздо полнее», чем будет затем напечатана. Но участвовал он не только в литературных разговорах. «Как теперь <...> вижу я перед собою Федора Михайловича на одном из вечеров у Петрашевского, — вспоминал К. М. Дебу, — вижу и слышу его рассказывающим о том, как был прогнан сквозь строй фельдфебель финляндского полка, отмстивший ротному командиру за варварское обращение с его товарищами, или же о том, как поступают помещики со своими крепостными. <...>

...помню, с каким живым человеческим чувством относился он и тогда к тому общественному "проценту", олицетворением которого явилась у него впоследствии Сонечка Мармеладова (не без влияния, конечно, учения, Фурье)» (10, с. 90–91).

Осенью 1848 г. неоднократно (по крайней мере дважды) с речами на П. п. выступал приехавший из Ревеля страстный фурьерист К. И. Тимковский. Он говорил «о Фурье, как о гении, который должен стоять выше всех гениев философов, как то: Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Гегеля, потому что он первый обратил внимание на существенное, т. е. материальное благосостояние и предложил средства к осуществлению (своей системы. — Б. Т.), тогда как философы ограничивались только метафизическими прениями» (8, с. 321). По заключению Д., который слушал речь Тимковского на двух вечерах в ноябре — начале декабря 1848 г. (7, с. 426), это «один из тех исключительных умов, которые если принимают какую-нибудь идею, то принимают ее так, что она первенствует над всеми другими, в ущерб другим. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье, и он не заметил других сторон, которые бы могли охладить его излишнее увлечение Фурье» (Д30; 18: 152). Оценка, данная Д., обнаруживает, что он сам достаточно владеет обсуждаемым материалом и глубоко продумал свое личное отношение к теории Фурье.

По-видимому, в ноябре или декабре 1848 г. Д. выступил на П. п. с речью «о личности и об эгоизме» (Д30; 18: 128). Это было едва ли не единственное его подготовленное монологическое выступление перед петрашевцами. Но его понимание человеческой личности, ее нравственно-психологических отношений с обществом были далеки от взглядов большинства собравшихся. Скорее всего, об этом его выступлении так пренебрежительно отозвался Р. А. Черносвитов: «Г<осподин> Достоевский говорил что-то, но что — неизвестно, кажется никто из бывших на вечере ничего не понял» (6, с. 445).

Другое заметное выступление Д., явившееся импровизацией, состоялось, как можно заключить, в конце февраля 1849 г., когда между Петрашевским, с одной стороны, и Дуровым и Пальмом, с другой, возник спор «о достоинстве Гоголя и Крылова и кто из них более пользы произвел и более известен народу» (8, 116). Петрашевский отрицал, что Крылов был великий художник, и Д. «отлично опроверг его» (8, с. 244), показав, что Крылов «истинно-народный писатель» (6, с. 399), а Петрашевский «ложно понимает искусство». «В этом споре, — свидетельствовал А. И. Пальм, — мы (т. е. Дуров, Достоевский и я), совершенно поняли Петрашевского и потом уже стали считать его человеком сухим, без сердца, живущим в мечтах о всеобщем совершенстве, о какой-то смешной утопии» (8, с. 263). По донесению полицейского агента П. Антонелли, внедренного в среду петрашевцев, на вечере 4 марта 1849 г. Петрашевский также спорил с братьями Достоевскими, «упрекая их в манере писания, которая будто бы не ведет ни к какому развитию идей

в публике» (8, с. 412). Возможно, это было продолжение спора о Крылове, разгоревшегося на предыдущей «пятнице».

Вопрос об искусстве, о «пользе», которую оно должно приносить, не был единственным, по которому расходились Д. и Петрашевский. Важнее было расхождение в вопросе о религии. По позднему свидетельству Н. А. Спешнева, на Д. «Петрашевский производил отталкивающее впечатление тем, что был безбожник и глумился над верой» (10, с. 91). Но в те годы атеистом был и сам Спешнев, читавший у Петрашевского «трактат об атеизме». «...На религию по-фейербаховски смотрели Толль, Ахшарумов и др.». А вот Дуров, по характеристике Д., напротив, был «до смешного религиозен» (10, с. 94). Когда Ф. Г. Толль в своей речи 11 марта 1849 г. «о происхождении религии» доказывал, что «она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна», то П. Н. Филиппов решительно ему возражал, а затем пересказывал свой спор с Толлем отсутствовавшему в тот вечер Д. (Д30; 18: 140).

Все это рисует сложную картину мировоззренческих противоречий между участниками **П. п.** С серьезной остротой вставляли в среде петрашевцев и межличностные отношения. Так, в ноябре 1848 г. после общения с приехавшим из Сибири Р. А. Черносивитовым, который говорил и вел себя так, что возникало впечатление, будто он «или эmissар, или глава какого-нибудь тайного общества в Сибири» (11, с. 235), Д., выйдя от Петрашевского на улицу, сказал Спешневу:

«...черт знает, этот человек говорит по-русски, точно как Гоголь пишет <...>. Знаете что, Спешнев, — мне кажется, что Черносивитов просто шпион» (8, с. 458).

Спешнев в свою очередь довел это мнение до сведения Петрашевского, и тот до конца был уверен, что Черносивитов — «agent-provocateur» (6, с. 115, 116, 129). В то же время настоящий полицейский агент П. Д. Антонелли, который начиная с 11 марта 1849 г. присутствовал на всех **П. п.**, пользовался со стороны хозяина дома полным доверием, и лишь незадолго до ареста Петрашевский начал проявлять в отношении него некоторую настороженность.

15 апреля 1849 г. — роковое для Д. число. В этот день на **П. п.** в присутствии двадцати человек, среди которых был провокатор П. Антонелли, он прочел знаменитое зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, «наполненное, — как сказано в заключении генерал-аудиториата, — дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти» (12, 180). Д. уверял Следственную комиссию, что он прочел переписку Белинского с Гоголем «ни более ни менее как литературный памятник, твердо уверенный, что она никого не может привести в соблазн» (Д30; 18: 128). Но судьи не приняли его резонов. Агент Антонелли доносил, что «письмо произвело общий восторг. Ястржембский при всех местах, его поражавших, вскрикивал: Отто так!

Отто так! <...> Балосогло приходил в исступление, и, одним словом, всё общество было как бы наэлектризовано» (8, 435).

Именно чтение письма Белинского было инкриминировано Д. Военно-судной комиссией как главное его преступление с последующим приговором:

«...лишить, на основании Свода военных постановлений <...> чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием», — замененным по высочайшей конфирмации новым: «...лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях <...> “на четыре года, а потом рядовым”» (12, 177, 180).

По свидетельству доктора С. Д. Яновского, последний раз Д. был на **П. п.** 22 апреля 1849 г., в вечер накануне ареста (9, с. 242). Однако в доносе агента П. Антонелли указано, что в этот день на **П. п.** присутствовал только Михаил Достоевский (8, с. 441). Если Антонелли не спутал двух братьев Достоевских, то свидетельство Яновского нужно признать абберрацией памяти мемуариста (также см.: *Яновского квартира*).

В 1862–1863 гг., набрасывая планы переработки повести «Двойник», созданной и опубликованной еще до знакомства писателя с Петрашевским (1846), Д. намечает эпизод посещения господином Голядкиным **П. п.** В рукописных набросках фигурируют «Тимковский как приехавший. Система Фурье. Благородные слезы». Господин Голядкин-младший «говорит речи». На другой день господин Голядкин-старший идет к Петрашевскому. «Застает, что тот читает дворнику и мужикам своим систему Фурье, и уведомляет его, что тот (то есть господин Голядкин-младший. — Б. Т.) донесет». Но Петрашевский «уже предупрежден младшим, что этот донесет, да и говорит: “Вы-то и есть доносчик”» (ДЗ0; 1: 435). Замысел этот остался неосуществленным. Впечатления от **П. п.** в определенной мере отразились и в работе Д. над романом «Бесы» (1871–1872).

Лит.: (1) *Летопись*. Т. 1; (2) *Цылов. Атлас*. Л. 64, с. 183; (3) *Столянский*; (4) *Федоренко*; (5) *Архитекторы-строители*; (6) *Дело петрашевцев*. Т. 1; (7) *Дело петрашевцев*. Т. 2; (8) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (9) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1; (10) *Биография*; (11) *Петрашевцы*. 1926–1928. Т. 3; (12) *Бельчиков*.

Спешнева дом. Николай Александрович Спешнев (1821–1882) жил в собственном 2-этажном доме, которым владел с 1841 г., по адресу: Кирочная улица, № 17 (соврем. № 14) (1). Дом был построен в 1836 г. (архитектор Л. В. Глама) и без серьезных перестроек сохранился до нашего времени.

Н. А. Спешнев стал регулярно посещать *Петрашевского «пятницы»* с начала 1847 г. Со времени около Великого поста 1847 г. посетителем собраний у Петрашевского стал и Д., но первоначально он бывал в доме на Покровской площади «очень редко; иногда не бывал по три, по четыре месяца и более» (ДЗ0; 18: 138). Поэтому установить точно, когда состоялось знакомство

Спешнева и Д., не представляется возможным. Но их сближение, по-видимому, началось с осени 1848 г. И нет данных, позволяющих более ранним временем датировать признание Д. Следственной комиссии:

«Со Спешневым я был знаком лично, ездил к нему, но на собраниях у него не бывал и почти в каждый приезд мой к нему заставал его одного» (Д30; 18: 153).

Это свидетельство, однако, требует серьезных коррективов. Тактикой Д. во время следствия было признание лишь того, что и без него уже было известно Следственной комиссии. Характерно, что именно общение со Спешневым он старается затушевать в своих показаниях. Лишь из свидетельства самого Спешнева известно, что осенью 1848 г. пришли к нему «в одно время Плещеев и Достоевский и сказали, что им хотелось бы сходиться с своими знакомыми в другом месте, а не у Петрашевского <...> и что он, Спешнев, может то же делать» (2, с. 59). Именно после этого начались собрания *Плещеева кружка*, но в своем доме ничего подобного Спешнев устраивать не стал, а если и приглашал к себе кого-то из петрашевцев, то вполне приватно, не афишируя этих встреч. Только после прямого вопроса Следственной комиссии об обеде у Спешнева, устроенном 2 апреля 1849 г., на котором присутствовали С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, В. А. Головинский, братья Евгений и Порфирий Ламанские, Н. А. Кашевский, Ф. Н. Львов, А. Д. Щелков, П. Н. Филиппов, Н. А. Мордвинов и Михаил Достоевский (3, с. 245), Д. подтвердил, что он был на этом собрании, где поручик Н. П. Григорьев читал сочиненный им памфлет «Солдатская беседа», но и здесь подчеркнул, что этот обед «навязали» Спешневу члены *Дурова кружка* после того, как между ними на предшествующем заседании произошел идейный конфликт и вечера на Гороховой улице решено было отменить. Отсутствие единомыслия у собравшихся в С. д. 2 апреля Д. акцентировал в словах: «После обеда разошлись тотчас же», отметив также: «Спешнев решительно объявил, что <...> ему неудобно звать в другой раз» (Д30; 18: 158, 157).

Д. последовательно стремится создать впечатление, что Спешнев является решительным противником каких-либо идейных, политизированных собраний в своем доме и что их лично связывают исключительно приватные отношения. Можно предположить, что так он пытался закамouflировать то обстоятельство, что в С. д. при его участии проходили собрания организованного Спешневым тайного общества, о котором он в январе 1849 г. рассказал во время посещения *Майкова квартиры*. В это тайное общество, по позднему свидетельству А. Н. Майкова, кроме Д. и Спешнева, входили П. Н. Филиппов, Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьев, Н. А. Мордвинов и В. А. Милютин. Целью общества было «произвести переворот в России», а для начала развернуть печатную агитацию, заведя типографский станок, который «заказывали по частям в разных местах, по рисункам Мордвинова» (4, с. 272).

На следствии Спешнев признал, что он «решился было устроить у себя типографию и упросил подсудимого Филиппова заказать разные части типографского станка» (2, с. 64), но утверждал, что это исключительно его личная инициатива, никак не связанная с организацией какого-либо тайного общества. По свидетельству Майкова, «при обыске у Мордвинова, у которого стоял станок, на него не обратили внимания, ибо он стоял в физическом его кабинете, где были разные машины, реторты и проч. Комнату просто запечатали, и родные сумели, не ломая печати, снять дверь и вынести злополучный станок» (4, с. 273). Однако Филиппов показал на следствии, что заказанные «для типографии нужные вещи <...> привезены были к Спешневу (а не к Мордвинову. — Б. Т.) и оставлены, по его вызову, в квартире его» (2, с. 194).

Существуют официальные документы, которые крайне сложно интерпретировать и согласно которым между 8 и 15 мая 1849 г. опечатанная во время ареста квартира Спешнева «была опечатана Действительным Статским Советником <И. П.> Липранди с Корпуса Жандармов Подполковником Брянчаниновым и всё найденное подозрительным взято ими с собою» (5, с. 318–319). Этот обыск проводили сотрудники Министерства внутренних дел. Спустя три или четыре недели, 7 июня, после показаний Филиппова (4 июня) и, возможно, Спешнева, повторный обыск, инициированный Следственной комиссией, и именно с целью найти следы типографии, проводили жандармские чины (по предписанию № 1235 управляющего *Третьим отделением* генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта). Полковник <А. С.> Станкевич и помощник надзирателя Чудинов провели «самый тщательный обыск в квартире <...> Спешнева, но при всех принятых мерах домашней Типографии не найдено» (5, с. 319). «...Чугунной доски и оловянных букв мною не отыскано», — рапортовал по начальству Станкевич (5, с. 323). Миссия чиновника особых поручений МВД И. П. Липранди, проводившего без ведома III Отделения обыск в С. д., до сих пор не получила в исследовательской литературе внятного объяснения. Но остается фактом, что ничего из изъятых им на квартире Спешнева «подозрительных предметов» не дошло до Следственной комиссии. «Из политического процесса выпало самое “криминальное” звено», — резюмирует исследователь (5, 326).

Есть основания полагать, что, вопреки заявлениям Спешнева и Филиппова, которые настаивали на следствии, что к планам завести тайную типографию никто более, кроме них двоих, не был причастен, Д., как и некоторые другие члены организованного Спешневым «особого тайного общества», был посвящен в типографский проект (почему и стремился в своих показаниях «вывести из-под огня» собрания в С. д.). Об этом позволяет говорить позднейшая реакция Д., когда он ознакомился с изданной в 1875 г. в Лейпциге книгой «Общество пропаганды в 1849 году: Собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций», в которой впервые были опубликованы материалы Следственной комиссии:

«Я <...> не вижу в ней (книге. — Б. Т.) моей роли... Многие обстоятельства <...> совершенно ускользнули; целый заговор пропал» (6, с. 90).

В последние полгода перед арестом у Д. сложились со Спешневым совершенно особые личные отношения. Не случайно он свидетельствовал на допросах, что, когда посещал С. д., хозяин обычно бывал дома один. Как вспоминал доктор С. Д. Яновский, ранее Д. сторонился Спешнева.

«Я его мало знаю, — говорил он, — да, по правде, и не желаю ближе с ним сходиться, так как этот барин чересчур силен и не чета Петрашевскому» (7, с. 248).

Играло свою роль и то обстоятельство, что Спешнев был достаточно равнодушен к литературному творчеству Д. Но начиная с осени 1848 г. между ними произошло сближение, которое, по свидетельству того же мемуариста, сопровождалось повышенной нервозностью и явной депрессией писателя:

«...он сделался каким-то скучным, более раздражительным, более обидчивым и готовым придирается к самым ничтожным мелочам и как-то особенно часто жалующимся на дурноты» (7, с. 248).

На заверения доктора, что он не находит у него никакого органического расстройства и, значит, скоро всё пройдет, Д. возразил:

«Нет, не пройдет, а долго и долго будет меня мучить, так как я взял у Спешнева деньги (при этом он назвал сумму около пятисот рублей серебром) и теперь я с ним и его. Отдать же этой суммы я никогда не буду в состоянии, да он и не возьмет деньгами назад; такой уж он человек. <...> Понимаете ли вы, что у меня с этого времени есть свой Мефистофель» (7, с. 248).

Доктор Яновский ничего не знал про тайное общество Спешнева, в которое именно в это время вступил Д., поэтому резкое изменение состояния писателя объяснял лишь одним долгом Спешневу, который не только ссудил его деньгами (дав под заемное письмо столь крупную сумму), но и «взял с него честное слово никогда о них не заговаривать» (7, с. 249). Однако имеет чрезвычайно нравственно-психологическое значение то обстоятельство, что Д. стал членом тайного общества, остро переживая свою зависимость от Спешнева, вплоть до того, что аттестовал его «своим Мефистофелем». «Слова Достоевского “теперь я с ним и его”, врезавшиеся в память Яновскому, — пишет биограф писателя, — указывали, что истинным векселем, который был выдан Спешневу под сумму в 500 рублей серебром, оказалась свобода воли должника. Значит, у Достоевского были основания, чтобы чувствовать себя запроданным и понимать условия заимодавца как способ вербовки» (8, с. 198). «...“Пленение” Достоевского в конце 1848 года было

самой значительной акцией Спешнева по привлечению сторонников, готовых к агитации в пользу радикальных действий», — заключает тот же автор (8, с. 202).

Лит.: (1) *Цылов. Атлас*. Л. 201, с. 220; (2) *Петрашевицы*. 1926–1928. Т. 3; (3) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (4) *Бельчиков*; (5) *Волгин*; (6) *Биография*; (7) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1; (8) *Сараскина*.

Плещеева кружок. В отличие от *Дурова кружка*, который связан с П. к. преемственной связью, собрания, происходившие в конце 1848 — начале 1849 г. в квартире А. Н. Плещеева (1825–1893) по адресу: Литейный проспект, дом купчихи Матрены Шумиловой, № 47 (соврем. № 50) (1; 5, с. 303), не имели регулярного характера и постоянного состава участников. Образованию П. к. предшествовали переговоры его инициаторов, «которым почему-либо не нравилось общество Петрашевского», с Н. А. Спешневым, сообщившим в своих ответах Следственной комиссии, что «в ноябре <...> или в конце октября (1848 г. — Б. Т.) <...> пришли к нему, Спешневу, в одно время Плещеев и Достоевский и сказали, что им хотелось бы сходиться со своими знакомыми в другом месте, а не у Петрашевского <...> что будут они приглашать только тех из своих знакомых, в которых уверены, что они не шпионы <...>. Это общество иначе он не может назвать, как от страха перед полицией» (2, с. 59).

Первое собрание П. к., по-видимому, состоялось 22 ноября 1848 г., в день рождения Плещеева. По его утверждению на следствии, в зиму 1848/49 г. у него на квартире собирались, «не так часто»: «Может быть, более трех раз, правда, но никак не более пяти» (5, 312). Спешнев также сообщил, что «салон» Плещеева имел «очень эфемерное существование: каких-нибудь месяца два» (2, с. 60). Однако в другом показании Следственной комиссии он указал, что собрания П. к. «были в продолжении трех месяцев зимою, сначала через две недели, через 10 дней, а потом в неделю раз» (5, с. 312). Они, очевидно, прекратились с образованием в конце февраля — начале марта 1849 г. *Дурова кружка*. Н. А. Момбелли свидетельствовал, что на последнем собрании у Плещеева ему, как и еще ряду лиц, «сделано было предложение принять участие в вечерах Пальма и Дурова» (3, с. 389). Возможно также, что поводом к прекращению собраний явился переезд Плещеева на новую квартиру, расположенную также на Литейном проспекте, в доме вдовы генерал-майора Елизаветы Пистолькорс, № 28 (соврем. № 29), где поэт проживал совместно со своей матерью (5, с. 303), хотя и в отдельных от нее покоях. Д. очевидно неоднократно бывал у А. Н. Плещеева и после переезда. Дом генеральши Пистолькорс не сохранился: на его месте сегодня стоит здание в стиле модерн, воздвигнутое в 1911–1912 гг. А вот дом купчихи Шумиловой, где проходили собрания П. к., напротив, сохранился в своем историческом виде: построенный в 1822–1823 гг., он был надстроен в 1831 г. и больше не перестраивался.

Среди участников **П. к.** сам хозяин квартиры назвал на следствии братьев Михаила и Федора Достоевских, Евгения и Порфирия Ламанских, А. И. Пальма, С. Ф. Дурова, Н. А. Спешнева, Н. А. Мордвинова, В. А. Головинского, В. А. Милютина, Н. Я. Данилевского, В. П. Безобразова и своего кузена А. В. Пальчикова (5, с. 309). В документах Следственной комиссии также фигурируют М. В. Петрашевский, П. Н. Филиппов, И. М. Дебу, К. И. Тимковский, Н. П. Григорьев, Ф. Г. Толль, А. П. Милюков (5, с. 60, 276). Однако среди дававших показания по делу петрашевцев не было никого, кто бы бывал на вечерах у Плещеева более одного-двух, много трех раз. Сам Плещеев настаивает, что собрания в его квартире не имели никакой иной цели, кроме дружеского общения. Но Григорьев заявил на следствии, что они носили характер «социально-политический» (5, с. 248), а Тимковский — что у Плещеева «более всего <...> говорили о социализме» (4, с. 439). По словам Пальма, Плещеев на одном вечере прочел из газеты «La Presse» речь Феликса Пиа, а Милюков по рукописи запрещенную цензурой статью А. И. Герцена «Петербург и Москва» (5, с. 276).

Д. познакомился с Плещеевым еще в начале 1846 г., когда они оба входили в кружок братьев Бекетовых. Во второй половине 1840-х гг. они были в очень близких отношениях и, конечно же, неоднократно бывали в гостях друг у друга. Но от времени до образования **П. к.** документальных свидетельств о визитах Д. к Плещееву почти не сохранилось. Единственное упоминание находим в материалах той же Следственной комиссии. В показаниях, датированных июнем 1849 г., Д. сообщает о встрече на квартире Плещеева «с лишком год назад» (то есть примерно в мае 1848 г.), «вечером, часов в 11-ть», с Н. Я. Данилевским и Н. А. Спешневым и состоявшейся между ними беседе «о возможности печатать за границею» на русском языке запрещенные книги (ДЗ0; 18: 166). «Разговор этот кончился тем, что положили стараться привести это в исполнение и прежде всего написать несколько статей», но данная инициатива не получила продолжения, подтвердил в своих показаниях и Данилевский (4, с. 332).

Что же касается собраний собственно **П. к.**, то Д. показал на следствии, что был на них «во всю зиму (1848/49 г. — Б. Т.) не более трех раз». В частности, он был на вечере, когда Милюков читал статью Герцена «Петербург и Москва». Д. настаивает, что читалась она «вовсе не для возмутительных целей и без предварительного намерения; а случайно, кажется потому, что под руку попала как легкая фельетонная статья, в которой много остроумия, хотя и бездна парадоксов» (ДЗ0; 18: 165–166).

О собрании у Плещеева «кружка близких Федору Михайловичу людей» сообщает также доктор С. Д. Яновский, но темы бесед он характеризует как вполне невинные. «...За ужином, — пишет мемуарист, не датируя это событие, — зашла речь о том, как бы достигнуть того, чтобы ни Греч, ни Булгарин и даже сам П. И. Чичиков (то есть А. А. Краевский. — Б. Т.) <...> никогда не лгали» (6, с. 246).

Лит.: (1) Цылов. Атлас. Л. 199, с. 267; (2) *Петрашевцы*. 1926–1928. Т. 3; (3) *Дело петрашевцев*. Т. 1; (4) *Дело петрашевцев*. Т. 2; (5) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (6) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1.

Дурова кружок. С первых чисел марта 1849 г. (или немного ранее) на квартире С. Ф. Дурова, А. И. Пальма и А. Д. Щелкова, живших совместно в доме купца Семена Ефимова на Гороховой улице, № 64, угол Казачьего переуллка, № 2 (соврем. № 61/1) (1, с. 49–50, 59–60; 2)¹⁵, чаще всего по субботам, начинает собираться часть посетителей «пятниц» М. В. Петрашевского, которые организуют свой музыкально-литературный кружок. **Д. к.** «был организован на паях, со взносом по три рубля серебром в месяц — на ужины и на прокат рояля» (3, с. 126). Участниками кружка, кроме хозяев, были братья Михаил и Федор Достоевские, Евгений и Порфирий Ламанские, А. Н. Плещеев, А. П. Милюков, Н. А. Мордвинов, П. Н. Филиппов, Н. А. Спешнев, Н. П. Григорьев, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львов и Н. А. Кашевский (4, с. 201). «Нас сблизило сходство мыслей и вкусов, — говорил Д. о хозяевах квартиры на Гороховой улице, — оба они, Дуров и особенно Пальм, произвели на меня самое приятное впечатление» (Д30; 18: 153).

Состав **Д. к.** не был однородным. В нем, с одной стороны, было умеренное крыло, прежде всего организаторы кружка Дуров и Пальм, которые потому и учредили собственные вечера, что тяготились социально-политической направленностью разговоров на собраниях у Петрашевского (к ним примыкал Михаил Достоевский; к умеренным также надо отнести Милюкова и Кашевского); с другой — участвовали такие радикалы, как Спешнев, Григорьев, Филиппов, Момбелли. На следствии по делу петрашевцев Д. показал, что Спешнева и Филиппова в **Д. к.** пригласил именно он (Д30; 18: 156). Всего состоялось семь собраний **Д. к.** По замыслу организаторов планировалось, чтобы на собраниях кружка «до ужина каждый прочел какую-нибудь литературную статью и выслушал на нее критику; после же ужина заниматься музыкой» (4, с. 201). По такой программе проходили первые заседания **Д. к.** Предположительно в один из таких субботних вечеров на квартире Дурова и Пальма Д. встретился с композитором М. И. Глинкой, который исполнял на рояле свои музыкальные произведения (5, с. 189–190).

Но уже к концу марта собрания **Д. к.** начали приобретать характер политический. В частности, «Момбелли и Григорьев излагали мысли писать статьи, противные правительству. Распространять же эти статьи предполагалось посредством домашней литографии» (4, с. 202). Такое предложение, вызвавшее жаркую дискуссию и раскол среди членов **Д. к.**, высказал П. Н. Филиппов. С этого времени «толки о Нью-Ламарке Роберта Оуэна и об Икарии Кабэ, а в особенности о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера» (6, с. 263). Реакцией на эту проявившуюся тенденцию явилось решение организаторов **Д. к.** с середины апреля 1849 г. прекратить «субботы» на Гороховой улице. Последнее

собрание состоялось 13 апреля. 17 или 18 апреля Дуров и Пальм разослали участникам Д. к. записки, что следующая встреча отменяется (4, с. 201).

Д. стал посещать квартиру Дурова и Пальма еще до формальной организации Д. к. Согласно его показаниям на следствии, зимой 1848/49 г. Д. с братом Михаилом, а также «Дуров, Пальм и Плещеев согласились издать в свет литературный сборник и поэтому стали видеться чаще. <...> ...естественно, родилась в нас потребность взаимного обобщения наших литературных идей и окончательного согласия в некоторых пунктах, касательно издания <...>. Сходились же мы всего чаще на квартиру Дурова, где нам было всего удобнее <...>. Скоро наши сходки обратились в литературные вечера, к которым примешивалась и музыка. Дуров приглашал самых близких из своих знакомых, мы ввели к Дурову своих; наконец эти сходки стали повторяться каждую неделю, и всего чаще бывали они в субботу» (Д30; 18: 154).

В показании Следственной комиссии Д. камуфлирует тот факт, что Д. к. «отпочковался» от *Петрашевского «пятницы»*. Но процесс сложения кружка, по-видимому, обрисовывает достоверно. По свидетельству А. П. Милюкова, на собраниях Д. к. Д. читал стихотворения Пушкина («Деревня»), Державина («Властителем и судьям») и Виктора Гюго; выслушав одну из глав «Paroles d'un croyant» [«Слова верующего», фр.] Ф. Ламеннэ, переведенных Милюковым на церковно-славянский язык, он сказал, что «суровая библейская речь этого сочинения вышла в <...> переводе выразительнее, чем в оригинале» (6, с. 264).

В начале апреля 1849 г. один из членов Д. к. привез Д. из Москвы от А. Н. Плещеева список с переписки Белинского и Гоголя. Получив его 7 апреля в квартире на Гороховой, он тут же прочел ее Дурову и Пальму, а вечером повторно — пришедшим Львову, Головинскому, Кашевскому, братьям Ламанским и др. В этот же день к Дурову зашел Петрашевский, и Д. предложил ему прочесть переписку на одной из ближайших «пятниц» в Коломне (Д30; 18: 158). Чтение состоялось на собрании у Петрашевского 15 апреля, и это стало самым серьезным обвинением, предъявленным Д. на следствии.

Лит.: (1) *Список лицам*; (2) *Цылов. Атлас*. Л. 121, с. 80; (3) *Егоров*; (4) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (5) *Белов*. 2001. Т. 1; (6) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1.

Майкова квартира. В 1848–1849 гг. поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) жил на Большой Садовой улице в доме полковника Ивана Аничкова, № 53 (соврем.: Садовая ул., № 48) (1, с. 272; 2). 5-этажный дом, построенный в 1836 г., сохранился в своем историческом виде. В 1880-е гг. Ап. Н. Майков вспоминал, как однажды вечером в январе (исследователи уточняют, что это мог быть только 1849 г. (1, с. 268)) пришел к нему Д. и остался ночевать. Во время ночного разговора он сообщил Майкову, что ему поручено сделать тому важное предложение. Мемуарист так передает слова Д.:

«Вы, конечно, понимаете <...> что Петрашевский болтун, несерьезный человек и что из его затей никакого толка выйти не может. А потому из его кружка несколько серьезных людей решились выделиться (но тайно и ничего другим не сообщая) и образовать особое тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журналов, если это будет возможно. <...> Вот нас семь человек: Спешнев, Мордвинов, Момбелли, Павел Филиппов, Григорьев, Владимир Милютин и я — мы осьмым выбрали Вас; хотите ли вы вступить в общество?»

На вопрос Майкова: «Но с какой целью?» — Д. ответил:

«Конечно, с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок; его заказывали по частям в разных местах, по рисункам Мордвинова; всё готово».

Майков возразил:

«Я не только не желаю вступить в общество, но и Вам советую от него отстать. Какие мы политические деятели? Мы поэты, художники, не практики, и без гроша. Разве мы годимся в революционеры?»

В ответ на это Д. «стал горячо и долго проповедовать, размахивая руками в своей красной рубашке с расстегнутым воротом». Утром разговор продолжился. «Ну, что же?» — спросил Д. — «Да то же самое, что и вчера. Я раньше Вас проснулся и думал, сам не вступлю и повторяю — если есть еще возможность — бросьте их и уходите». — «Ну это уж мое дело. А вы знайте. Обо всем вчера <сказанном> знают только семь человек. Вы восьмой, — девятого не должно быть!» — «Что до этого касается, то вот Вам моя рука! Буду молчать». «...После этого разговора мы почти не встречались», — отметил Майков в завершение (1, с. 272–273). Действительно, о других визитах Д. в дом Аничкова в 1849 г. у биографов писателя нет никаких данных.

Лит.: (1) Бельчиков; (2) Цылов. Атлас. Л. 38, с. 10; (3) Волгин. С. 66–72.

Головинского и Барановского «фаланстер». 1 августа 1848 г. два выпускника Училища правоведения, только что окончившие курс, титулярные советники Василий Андреевич Головинский (1829–1875) и Николай Иванович Барановский (?–1860) поселились вместе на Большом проспекте Васильевского острова, в доме наследников графини Софьи Строгановой, № 58 (соврем.: участок дома № 55а; исторический дом не сохранился) (1, с. 217–218). В апреле 1849 г., ко времени ареста В. А. Головинского, владелицей числилась дочь графини Строгановой — княгиня Аделаида Голицына (2, с. 48; 3). Будучи страстными фурьеристами и желая «проводить фурьеристские тенденции в жизнь», молодые люди именовали свою квартиру «фаланстером». «Фаланстер Головинского и Барановского был нечто подобное коммуна, устраивавшимся впоследствии в шестидесятых годах.

Это был дом коммунаров на шесть или восемь человек» (4, с. 149). Название «фаланстер» использовалось многими товарищами Головинского и Барановского. Как свидетельствует их знакомый Н. П. Баллин, в 1848–1849 гг. «в фаланстере» он «видел некоторых петрашевцев <...> Филлипова, Достоевского» (4, с. 147). Можно предположить, что Д. бывал здесь нередко. В своих показаниях Следственной комиссии он назвал В. А. Головинского среди тех, с кем он имел «близкое и короткое знакомство и частые сношения» (ДЗ0; 18: 136), свидетельствовал о разговоре с ним «один на один» в своей квартире в доме Шиля, когда они «заговорили о крестьянах и о возможности их освобождении» (ДЗ0; 18: 145). Именно Д. 1 апреля 1849 г. ввел Головинского на *Петрашевского «пятницы»* (ДЗ0; 18: 139), а 7 апреля — в *Дурова кружок*. Д. также показал на следствии, что он был у Головинского «кажется, за неделю до ареста», то есть около 15 апреля. Во время визита его заинтересовала книга П. Ж. Прудона «*La célébration du Dimanche*» (Paris, 1839): он «прочел в ней только несколько страниц», и так как она показалась ему «занимательною», он «взял ее с собою» (ДЗ0; 18: 165). Это была одна из двух «запрещенных» книг, изъятых у Д. во время ареста.

Лит.: (1) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (2) *Список лицам*; (3) *Цылов. Атлас*. Л. 226, с. 56; (4) *Первые русские социалисты*.

Яновского квартира. С доктором Степаном Дмитриевичем Яновским (1815–1897) Д. познакомился в конце мая 1847 г. (сам Яновский в мемуарах ошибочно называет 1846 г.). Он жил в это время близ Сенной площади, на Обуховском проспекте, в доме статского советника доктора Василия Шольца, № 8 (соврем.: Московский проспект, № 7)¹⁶. Но во второй половине 1840-х гг. С. Д. Яновский часто менял квартиры и к весне 1849 г. поселился на набережной Крюкова канала близ Торгового моста, на самой границе с Коломной, в доме купца Ивана Чешихина, № 14 (соврем. № 9; сам мемуарист пишет: Чихихина) (1, с. 2; 2). Этот дом, построенный в 1840–1841 гг., сохранился в своем историческом виде.

Доктор Яновский не был участником кружка Петрашевского, но, в силу расположения его квартиры на самой границе Коломны, Д. нередко заглядывал к нему либо по пути из дома Шиля на Покровскую площадь, либо возвращаясь с нее. По свидетельству С. Д. Яновского, на одной из «пятниц» у Петрашевского «после какой-то неприятности» (которую мемуарист не посчитал возможным придать гласности) Д. «почувствовал себя во время ужина нехорошо, оставил собрание и вместо того, чтобы ехать домой, по дороге от Покрова в Малую Морскую, заехал» к Яновскому, «как он сам говорил — полечиться». Этой ночью доктор наблюдал приступ эпилепсии у Д.: «Припадок был сильный и характеристический» (1, с. 2).

По утверждению Яновского, в его квартире у Торгового моста в доме Чешихина Д. побывал также вечером 22 апреля 1849 г., накануне, а вернее, за несколько часов до ареста, произошедшего 23 апреля в четыре часа утра.

В этот день, по словам мемуариста, шел сильный дождь, и Д. появился у Яновского в семь часов пополудни совершенно промокший. Он объявил, что направлялся к Петрашевскому, но, попав под ливень, решил зайти к Яновскому «пообсушиться». К девяти часам одежда его просохла, но дождь не переставал. И Д. решил доехать до Покровской площади на извозчике. Однако денег у него не было. У Яновского хранилась общая касса, заведенная в их кружке в целях взаимопомощи (Д. сам разрабатывал «устав» этой кассы). Взяв из «железной копилки» 30 копеек, Д. покинул Яновского, направившись к Петрашевскому (3, с. 242).

Хронологическая приуроченность мемуаристом этого визита писателя к 22 апреля вызывает сомнения и, судя по всему, является ошибкой памяти. Причем дело не только в том, что Д. в этот вечер не было у Петрашевского (по показанию агента П. Д. Антонелли, в этот вечер на *Петрашевского «пятницах»* был лишь М. М. Достоевский (4, с. 441); это подтвердил, отвечая на вопросы Следственной комиссии, и сам Михаил Михайлович, объяснивший свое присутствие на последней «пятнице» тем, что он пошел к Петрашевскому «в надежде увидеться с ним (Д. — Б. Т.)», «но брата там не было» (5, с. 262)). В шесть часов (то есть за час до появления на квартире Яновского, по версии мемуариста) Д. на Загородном проспекте, близ Введенской церкви, встретился с младшим братом Андреем, который шел в гости к другу на Литейный проспект. В своих мемуарах А. М. Достоевский пишет, что «день был очень жаркий»; о проливном дожде он не упоминает, но сообщает, что туда и обратно шел пешком, «в очень приятном настроении духа», наслаждаясь по пути домой (он вернулся в двенадцатом часу) великопной белой ночью (6, с. 168). Это совсем не похоже на ту картину разбушевавшейся непогоды, которую рисует С. Д. Яновский. Нет оснований подозревать, что мемуарист выдумал этот визит к нему «промокшего до костей» Д. Но, судя по всему, это произошло не 22 апреля, а, по-видимому, в одну из предшествовавших пятниц.

Зато более достоверным представляется свидетельство Яновского, что утром 23 апреля к нему явился «бледный и сильно растерявшийся» Михаил Достоевский, сообщил об аресте брата, и они вместе устроили «роковое auto da fe», предав огню письма и другие бумаги (например, устав кассы взаимопомощи), написанные рукой Д. (3, с. 242, 235).

Лит.: (1) Яновский. 1881; (2) Цылов. Атлас. Л. 54, с. 254; (3) Д. в воспоминаниях. Т. 1; (4) Дело петрашевцев. Т. 3; (5) Перлина; (6) Достоевский А. М.

Григорьева квартира. Поручик лейб-гвардии Конно-егерского полка Николай Петрович Григорьев (1822–1886) аттестовал себя на следствии по делу петрашевцев как товарищ детства А. Н. Плещеева (1, с. 248). На собрания *Плещеева кружка* осенью 1848 г. он попал раньше, чем стал посетителем *Петрашевского «пятниц»*, на которых присутствовал лишь два-три раза в 1849 г. Имея общих с Д. друзей вне круга петрашевцев — доктора С. Д. Яновского,

штабс-капитана Н. Е. Власовского и др. (1, с. 248), Григорьев мог познакомиться с Д. еще в конце 1847 — начале 1848 г. Однако на следствии Д., скорее всего намеренно, утверждал, что имени и отчества Григорьева не припоминает и чина его не знает (Д30; 18: 171). Не исключено, что и в тайное общество Н. А. Спешнева, о котором известно из воспоминаний Ап. Н. Майкова (см.: *Майкова квартира*), Григорьева в январе 1849 г. привлек именно Д. На следствии тот указал на Д. как одного из тех лиц, под влиянием которых в нем проявилось «либеральное или социальное направление» (1, с. 246). Впрочем, вольномыслие Григорьева выразилось лишь в написании памфлета «Солдатская беседа», который 2 апреля 1849 г. он прочел на обеде в *Спешнева доме*. Д. в показаниях Следственной комиссии оценил впечатление от памфлета как «ничтожное» (Д30; 18: 159). Тем не менее Военно-судная комиссия тот факт, что он прослушал такое «преступное сочинение», как «Солдатская беседа», вменила Д. в качестве одного из главных обвинений (но в дальнейшем, в Заключении Генерал-аудиториата, этот пункт обвинения был снят).

На следствии Д. показал, что вечером 22 апреля 1849 г., накануне ареста, он заходил к Григорьеву и взял у него запрещенную книгу Э. Сю «*Le Berger de Kravan*» (Д30; 18: 165). Это подтверждается и его мемуарной записью в альбоме Ольги Милюковой, согласно которой в ночь на 23 апреля, когда его арестовали, он «воротился домой часу в четвертом от Григорьева» (Д30; 18: 174). Жил Григорьев на Гороховой улице, в доме наследников купца 1-й гильдии Ивана Михайловича Савостьянова, № 39 (соврем. № 40) (2, с. 56¹⁷; 3). Построенный в 1820-е гг., 3-этажный дом И. М. Савостьянова сохранил до сегодняшнего дня свой исторический облик. Другие данные о посещении писателем Г. к. неизвестны, но можно предположить, что он бывал по этому адресу и ранее.

Лит.: (1) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (2) *Список лицам*; (3) *Цылов. Атлас*. Л. 47, с. 204.

Достоевского Михаила квартира. Старший брат писателя Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864), служивший с мая 1847 г. полевым инженер-прапорщиком в Свеаборгской инженерной команде (а до этого в Ревельской команде), в конце августа или начале сентября 1847 г. подал прошение об отставке «по домашним обстоятельствам». Находясь в 28-дневном отпуске и не дожидаясь Указа об отставке (датирован 5 октября 1847 г.), он 27 сентября приехал в Петербург и поселился вместе с братом в доме Я. Шиля на Малой Морской улице, № 24. В январе 1848 г. братья Достоевские сменили квартиру и переехали в дом М. Протопопова на Большой Подъяческой улице, № 6 (см. вступ. статью). В Ревеле (ныне Таллин) у Михаила Достоевского осталась жена Эмилия Федоровна с тремя детьми. На страстной неделе, 9 апреля 1848 г., они также приехали на постоянное жительство в Петербург (Д30; 28₁: 154). С этого времени старший брат писателя с семейством

поселились в 3-м квартале Литейной части, на Невском проспекте, в доме купца Мартына Неслинда, № 109 (соврем. № 104; исторический дом не сохранился) (1; 2).

Хотя М. М. Достоевский с конца 1847-го или начала 1848 г. посещал *Петрашевского «пятницы»* и пользовался запрещенными книгами из тайной библиотеки, которая общими усилиями была собрана в доме на Покровской площади, а также был участником *Плещеева кружка* и *Дурова кружка*, включение его квартиры в орбиту Петербурга Достоевского-петрашевца несколько условно: конечно же, в 1848–1849 гг. Д. посещал брата и посещал довольно часто, но в первую очередь в силу родственных отношений (так, с младшим братом Андреем они регулярно обедали в семье Михаила по воскресеньям и праздничным дням). И тем не менее для такого решения есть известные резоны.

Во-первых, по наблюдению В. Н. Захарова, при аресте Д. в его комнате в квартире Бреммера не был обнаружен творческий архив писателя. Все изъятые при обыске «бумаги и письма» образовали лишь небольшой «тюк», который жандармы «аккуратно связали веревочкой» (ДЗ0; 18: 174). По гипотезе исследователя, свой архив Д. хранил в квартире Михаила, и 23 апреля тот, оставшийся не арестованным минувшей ночью лишь по случайности, в панике сжег большую часть находившихся у него бумаг брата (так же как утром этого дня вместе с доктором С. Д. Яновским они сожгли архив последнего, включая бумаги, написанные рукой Д.; см. *Яновского квартира*). Этим объясняется исчезновение творческого архива писателя 1840-х гг., никаких следов которого не обнаруживается в документах *Третьего отделения*, Следственной комиссии или Комиссии по разбору бумаг и книг арестованных (3, с. 287–296).

Во-вторых, с конца июня по начало октября 1849 г., когда Д., находившемуся в *Секретном доме Алексеевского рavelина*, была разрешена переписка (она была прекращена с началом работы Военно-судной комиссии), Михаилом было написано брату пять писем и в ответ получено три письма. Старший брат адресовал свои письма в канцелярию коменданта С.-Петербургской крепости; младший — на Невский проспект, против *Грязной улицы*, в дом *Неслинда* (после выхода из крепости, где он находился под арестом с 6 мая по 24 июня, Михаил сменил квартиру, заняв новую в том же доме). По этому же адресу было отправлено и уникальное по своему содержанию письмо, написанное Д. старшему брату 22 декабря 1849 г., после инсценировки смертной казни над петрашевцами на *Семеновском плацу*. Надо полагать, что письма политического заключенного из Алексеевского рavelина шли отнюдь не по городской почте, но, со всем тщанием просмотренные кем-то из крепостных надзирателей, были доставляемы в дом Неслинда, скорее всего, жандармским курьером (4, с. 243–246).

Наконец, именно в доме Неслинда (до переезда Михаила Михайловича в 1855 г. в дом вдовы надворного советника Настасьи Пономаревой на углу Малой Мещанской улицы и Екатерининского канала, № 4/54) хранились автографы некоторых произведений брата, написанных в камере *Секретного дома Алексеевского рavelина* и полученных Михаилом вместе с его вещами после отправки Д. по этапу в Сибирь. Что стало с «черновым планом драмы и романа», нам не известно: следы их затерялись. Но вот рукопись созданной в крепости повести «Детская сказка» Михаил сберег до того времени, когда находившийся в ссылке в Семипалатинске Д. получил разрешение печататься, и это замечательное произведение увидело свет в 1857 г. в журнале «Отечественные записки» под названием «Маленький герой».

Так что без упоминания дома М. Неслинда на Невском проспекте какие-то значимые черточки в судьбе Достоевского-петрашевца оказались бы невосполнимо утраченными.

Лит.: (1) ДЗ0; 28₁: 165; (2) Цылов. Атлас. Л. 217, с. 166; (3) Захаров; (4) Тихомиров. 2012.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — высший орган политической полиции Российской империи в эпоху правления императоров Николая I и Александра II (1826–1880). С 1839 г., когда в подчинение **Т. о.** был передан Корпус жандармов, руководитель ведомства стал именоваться начальником Штаба Корпуса жандармов и главноначальствующим III Отделением. В 1844–1856 гг. им являлся князь А. Ф. Орлов. С 1838 г. **Т. о.** занимало бывший особняк князя В. П. Кочубея, находившийся на набережной реки Фонтанки, № 15 (соврем. № 16) (1). Дом, построенный в последней трети XVIII в., в дальнейшем неоднократно перестраивался, но в фасадной части во многом сохранил свой первоначальный облик. В городском обиходе его эвфемистически именовали «зданием у Цепного моста» (по названию Пантелеймоновского цепного моста через Фонтанку, близ которого располагалось здание **Т. о.**).

Д., как и другие петрашевцы, был доставлен в **Т. о.** после ареста ранним утром 23 апреля 1849 г. «Там было много ходьбы и народу, — вспоминал он позднее в мемуарной записи, сделанной в альбоме Ольги Милюковой. — Я встретил многих знакомых. Все были заспанные и молчаливые. Какой-то господин, статский, но в большом чине (тайный советник А. А. Сагтынский, чиновник для особых поручений в III Отделении. — *Б. Т.*) принимал... беспрерывно входили голубые господа (то есть жандармы в голубых мундирах. — *Б. Т.*) с разными жертвами. <...> Нас разместили по разным углам, в ожидании окончательного решения, куда кого девать. В так называемой белой зале нас собралось человек семнадцать...» (ДЗ0; 18: 174–175).

Странно, что Д. не упоминает здесь о неожиданной встрече в Белой зале **Т. о.** с младшим братом Андреем, арестованным по недоразумению вместо старшего брата Михаила (ошибка будет обнаружена лишь через десять дней,

2 мая). «Вдруг вижу, — описывает этот эпизод А. М. Достоевский, — ко мне подбегает брат Федор Михайлович. — “Брат, ты зачем здесь?” Но только и успел он это сказать. К нам подошли 2 жандарма, один увел меня, другой брата в разные помещения» (2, с. 171). Странно и другое: через семь лет, в письме к барону А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 г., вспоминая эту встречу с Андреем в Т. о., Д. напишет: «...я умолял третьего моего брата, которого арестовали ошибкой, не объяснять ошибки арестовавшим как можно долее (чтобы вывести из-под удара брата Михаила. — Б. Т.)» (Д30; 28; 216). А. М. Достоевский в своих воспоминаниях отрицает это позднейшее свидетельство писателя:

«...Федор Михайлович не мог не только умолять меня, как видно из изложенного, не открывать как можно долее ошибки, но даже не имел времени намекнуть мне об этой ошибке. О, ежели бы он объявил мне это! Насколько бы успокоил он этим мое десятидневное заключение в каземате!» (2, с. 172).

Ведь А. М. Достоевский ничего не знал о кружке петрашевцев и не мог даже подозревать, что он арестован по недоразумению.

Зато Д. сохранил в своей мемуарной записи другое любопытное свидетельство. «Мы мало-помалу окружили статского господина со списком в руках, — сообщает он. — В списке перед именем господина Антонелли написано было карандашом: “агент по найденному делу”. “Так это Антонелли!” — подумали мы» (Д30; 18: 175). Эту странную «полицейскую неловкость» современные исследователи объясняют интригой между двумя ведомствами, соперничавшими в раскрытии дела петрашевцев, — III Отделением и Министерством внутренних дел, чьим агентом был П. Д. Антонелли:

«Статский господин “со списком в руках”, о котором упоминает Достоевский (очевидно, генерал Сагтынский), как бы впад в задумчивость, позволит им заглянуть в документ <...>. Не лишена основательности догадка, будто указанная небрежность была умышленной. III Отделение хоть таким образом постаралось досадить непрошенному помощнику, благодаря ревнию которого общая полиция коварно присвоила дело, по праву принадлежащее полиции тайной» (3, с. 263–264; также см.: 4, с. 169).

Андрей Достоевский далее вспоминает:

«Целый день 23 апреля, вплоть до ночи, мы провели в III Отделении, нас разместили по отдельным залам по 8–10 человек и обязали не разговаривать друг с другом (поэтому арестованные «обменивались записочками». — Б. Т.). Это был очень томительный день неизвестности. Около полудня приехал князь <А. Ф.> Орлов (бывший тогда шеф жандармов). Он в каждой зале говорил арестованным маленькую речь, сущность которой, насколько припомню, была та, что мы не умели пользоваться правами и свободой,

предоставленными всем гражданам, и своими поступками принудили правительство лишить нас этой свободы, и что при подробном разборе наших преступлений над нами будет произведен суд, а окончательная участь наша будет зависеть от милосердия монарха.

Нам подавали чай, кофе, завтрак, обед и всё очень изысканно сервированное... одним словом, кормили на славу, как гостей в III Отделении. <...> Когда уже совершенно стемнело, следовательно, часов уже в 11, нас начали поодиночке выкликать, и раз вызванный более уже к нам не возвращался» (2, с. 172–173, 249).

Так началась отправка арестантов в Петропавловскую крепость. Руководил ею сам Л. В. Дубельт, управляющий **Т. о.** Сначала в «индивидуальных» каретах при жандармских офицерах, с интервалом в 10–15 минут, в крепость были отправлены тринадцать «главнейших виновников», которых было предписано разместить в *Секретном доме Алексеевского рavelина*. Затем в каретах по двое и по трое — остальные петрашевцы. Первым, в 10 час. 15 мин. вечера, был отправлен Петрашевский (4, с. 173). Достоевский — в 11 час. 25 мин. в сопровождении жандармского поручика <А. Ф.> Эка (5, с. 255).

Лит.: (1) Цылов. Атлас. Л. 190, с. 23 отд. паг.; (2) Достоевский А. М.; (3) Волгин; (4) Егоров; (5) Перлина.

Секретный дом Алексеевского рavelина Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости — главная политическая тюрьма Российской империи. Деревянное здание было построено на территории западного рavelина, прикрывавшего Зотов и Трубецкой крепостные бастионы, еще в середине XVIII в. В 1796–1797 гг., в царствование Павла I, на его месте было возведено каменное строение. В нем насчитывалось 26 камер, из которых 20–21 использовались для одиночного заключения и именовались номерами. Часть камер была занята квартирою смотрителя, цейхгаузом и библиотекой. В качестве тюрьмы **С. д. А. р.** функционировал до 1884 г. Снесен в 1892 г. Современное здание на его месте построено в 1892–1895 гг. (1, с. 150). В настоящее время (с 1994 г.) оно принадлежит Государственному музею истории С.-Петербурга и используется как служебное помещение. Современный адрес: Петропавловская крепость, дом № 14.

Отправленный из *Третьего отделения* в «индивидуальной» карете в 11 час. 25 мин. вечера, Достоевский, очевидно, был доставлен в крепость уже за полночь. «Мосты на Неве были разведены (имеется в виду Троицкий мост через Большую Неву. — Б. Т.), — вспоминал петрашевец Д. Д. Ахшарумов, — и объезд был долгий» (2). Петрашевцев везли через Исаакиевский мост (специально для этого случая наведенный), Васильевский остров, Тучков мост и Петербургскую сторону. Водворение Д. в Петропавловскую крепость состоялось уже 24 апреля 1849 г. Всех арестантов принимал лично, под расписку

комендант Набоков. В **С. д. А. р.** писатель был заключен в камеру № 9. Его соседями оказались: в камере № 8 — П. Н. Филиппов и в камере № 10 — А. П. Баласогло (3, с. 216). В июле 1849 г., когда часть арестованных по делу Петрашевского была освобождена и в том числе 10 июля вышел на свободу П. И. Белецкий, содержащийся в камере № 7 (4, с. 172), Достоевский был переведен на его место.

Одноэтажный **С. д. А. р.** в плане представлял собою равносторонний треугольник, внутри которого был садик, использовавшийся для прогулок арестантов. В нем, по свидетельству Достоевского, росло «почти семнадцать деревьев» (Д30; 28, с. 158). Камеры № 7 и 9 располагались с той его стороны, которая была обращена к Кронверкскому протоку.

В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского»¹⁸ приведен фрагмент из воспоминаний Д. Д. Ахшарумова с подробным описанием его камеры, но необходимо иметь в виду, что он был помещен в каземат № 3 Трубецкого бастиона и его описание нельзя экстраполировать на внутреннюю обстановку камер **С. д. А. р.**

Следственная комиссия, учрежденная 23 апреля 1849 г.¹⁹, работала также на территории Петропавловской крепости — в *Комендантском доме*. Впервые на «предварительный опрос» Д. был вызван 6 мая. Любопытно, что, по свидетельству петрашевца Ивана Ястржембского, перед тем как вести в Следственную комиссию, их переодевали из тюремного халата в собственную одежду, в которой они были арестованы. Сопровождал подследственных смотритель **С. д. А. р.** одноглазый старик полковник Яблонский (2, с. 154). На «формальный допрос» Д. был вызван 8 июня, он был продолжен также 11 июня. До 20 июня подследственным запрещено было читать и иметь переписку с родственниками. Начиная с 20 июня Д. пишет письма брату Андрею, а позднее, узнав, что старший брат также на свободе, и брату Михаилу. Просит прислать книги и журналы. Читает книги из тюремной библиотеки — «Сочинения» св. Димитрия Ростовского, «Путешествия ко святым местам» (скорее всего, А. Н. Муравьева), а также присланные братом Библию на церковнославянском языке и произведения Батюшкова, Даля, Шекспира, Шиллера и др. (5, с. 71–82). Получив возможность писать, начинает заниматься литературным творчеством. «Я времени даром не потерял, выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь...» — сообщает он в письме от 18 июля брату Михаилу (Д30; 28, с. 157). Видимо, речь идет о «Детской сказке», известной в печати под названием «Маленький герой». «Когда я очутился в крепости, — рассказывал уже в 1870-е гг. Д. литератору Всеволоду Соловьеву, — я думал, что тут мне и конец, думал, что трех дней не выдержу, и — вдруг совсем успокоился. Ведь я там что делал?.. я писал “Маленького героя” — прочтите, разве в нем видно озлобление, муки? Мне снились тихие, хорошие, добрые сны...» (6, с. 212).

Многое из пережитого Д. в **С. д. А. р.** навсегда останется скрытым от его биографов. Так, в записной тетради 1875–1876 гг. с материалами к «Дневнику

писателя» содержится набросок: «Алексеевский равелин. Ростовцев, Филиппов. Кончил раздумье. Мечтал об имевших детей. Чья это кровь? Филиппов — бежать (фехтовальщик перерубил). <...> Мне это снится до сих пор» (Д30; 24: 133). Петрашевец Павел Филиппов, как уже указано, был соседом Д. по камере в С. д. А. р., генерал-майор Я. А. Ростовцев — членом Следственной комиссии. Все остальное в этой записи недоступно для комментирования.

В Петропавловской крепости писатель содержался ровно 8 месяцев — с 24 апреля по 24 декабря 1849 г. Утром 22 декабря состоялась инсценировка смертной казни над петрашевцами на *Семеновском плацу*. По возвращении в С. д. А. р., пережив на эшафоте минуты смертного ужаса, Д. рассказывает в письме к брату Михаилу о произошедшей экзекуции (см.: Д30; 28₁: 161–165). Дата отправки Достоевского из крепости в Сибирь документируется предписанием коменданту крепости генерал-адъютанту И. А. Набокову за № 523 от 24 декабря 1849 г.:

«...содержащихся в Алексеевском равелине преступников Дурова, Достоевского и Ястржембского, назначенных к отправлению сего числа вечером в Тобольск закованными, выдать их назначенному для сопровождения поручику фельдъегерского корпуса Прокофьеву и из списков об арестованных по равелину исключить», а также рапортом Набокова № 522 от того же числа об исполнении этого предписания (7, с. 181–182).

В письме брату Михаилу от 30 января — 22 февраля 1854 г. из Омска Достоевский так вспоминал отправку из Петропавловской крепости:

«Ровно в 12 часов, то есть ровно в Рождество, я первый раз надел кандалы. <...> Затем нас посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга» (Д30; 28₁: 167).

А. П. Милюков, приходивший вместе с М. М. Достоевским в этот день в Петропавловскую крепость прощаться с отправляющимся по этапу писателем, корректирует это свидетельство. Предупрежденные плац-адъютантом Ю. К. Майделем о том, что Д. с товарищами будут отправлены по этапу вскоре после свидания («через час или даже раньше»), они остались поджидать выезда арестантов у ворот Петропавловской крепости. «На крепостной колокольне куранты проиграли девять часов, — пишет Милюков, расходясь в указании времени со свидетельством в письме Достоевского брату, — когда выехали двое ямских саней, и на каждом сидел арестант с жандармом.

— Прощайте! — крикнули мы.

— До свидания! до свидания! — отвечали нам» (8, с. 270).

Достоевский пишет: «ровно в 12 часов» (то есть в полночь), Милюков вспоминает: «куранты проиграли девять часов». Большое доверие вызывает изложение событий сторонним наблюдателем — Милюковым. Писатель же, как представляется, пытается в позднейшем эпистолярном свидетельстве *сакрализовать* роковой, поворотный момент своей биографии: его каторжный, страдальческий путь начинается «ровно в Рождество» (9, с. 243–248).

Лит.: (1) *Архитекторы-строители*; (2) *Первые русские социалисты*; (3) *Гернет*. Т. 2; (4) *Егоров*; (5) *Тихомиров*. 2015; (6) *Д. в воспоминаниях*. Т. 2; (7) *Бельчиков*; (8) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1; (9) *Тихомиров*. 2012.

Комендантский дом Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. Здание расположено между Петропавловским собором и Нарышкиным бастионом. Построено в 1743–1746 гг. по проекту военного инженера Хр. де Марина. В 1750 г. объединено с одноэтажным П-образным в плане флигелем. Фасад главного корпуса оформлен в стиле барокко и в основном сохранил первоначальный облик. В здании находилась квартира коменданта крепости генерала от инфантерии генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова (1849–1852), назначенного 23 апреля 1849 г. председателем «Секретной следственной комиссии, высочайше учрежденной в Петербургской крепости над злоумышленниками». В К. д. проходили заседания Следственной комиссии и велись допросы петрашевцев. В комиссию также входили член Государственного совета князь П. П. Гагарин, товарищ военного министра генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков, начальник штаба Корпуса жандармов генерал-лейтенант Л. В. Дубельт и начальник штаба Управления военно-учебных заведений генерал-майор Я. А. Ростовцев.

Вызовы арестантов для дачи показаний начались 29 апреля. Они происходили по вечерам: от шести до десяти часов. Андрей Достоевский, вызванный в К. д. 2 мая, несколькими днями ранее брата, так описал обстановку своего допроса:

«Меня ввели сперва в приемную, небольшую, но ярко освещенную комнату. Там было большое зеркало, я взглянул в него и удивился...». Это зеркало вспоминают многие петрашевцы, так как, впервые увидев свое отражение после полутора-двух недель заточения в казематах, большинство из них переживало ужас от своего внешнего вида. «Через несколько минут, — продолжает А. М. Достоевский, — меня позвали в залу заседаний следственной комиссии. Посередине довольно большой и ярко освещенной комнаты стоял большой продолговатый стол, покрытый сукном. На председательском месте сидел комендант крепости генерал Набоков. Первое место по правую от него руку занимал, как после узнал я, князь Павел Павлович Гагарин, впоследствии председатель комитета министров, второе — Леонтий Васильевич Дубельт. Первое место по левую руку председателя занимал князь Василий Андреевич Долгоруков, а второе — Яков Иванович Ростовцев. Конец стола

занимала канцелярия, т. е. обер-аудитор (статский советник А. В. Шмаков. — Б. Т.), аудитор и секретарь.

Допрос начал князь Гагарин...» (1, с. 177).

«Всякого мало-мальски мыслящего человека, — передавал свое впечатление от Следственной комиссии И. Л. Ястржембский, — конечно, удивит и поразит, что для производства следствия по делу, в котором не было и помина о каких-либо преступных действиях, а только исследовались мнения и тенденции, и для чего, конечно, необходимо было поручить дело ученым специалистам, назначены были круглые невежды. А эти невежды решали участь многих молодых людей и упекли их в Сибирь» (2, с. 160).

Д. впервые был приведен в **К. д.** из *Секретного дома Алексеевского рavelина* 6 мая и подвергнут «предварительному опросу». Согласно свидетельству А. Г. Достоевской, в 9-м заседании Следственной комиссии «Ф. М. <...> на допросе сначала решительно отвергал всякую мысль о преступности собраний у Петрашевского, а затем заявил, что на этих собраниях происходили горячие споры о теории Фурье и читалось о социализме; лично он, Ф. М. Достоевский, прочитал письмо Белинского» (3, с. 59).

«Федор Михайлович припоминал, что <...> Я. И. Ростовцев обратился к нему со словами: “Я не могу поверить, чтобы человек, написавший “Бедных людей”, был заодно с этими порочными людьми. <...> Вы мало замешаны, и я уполномочен от имени Государя объявить вам прощение, если вы захотите рассказать все дело”. “Я, — вспоминал Ф. М., — молчал. Тогда Дубельт с улыбкой заметил: “Я ведь вам говорил”. Тогда Ростовцев, вскричав: “Я не могу больше видеть Достоевского”, выбежал в другую комнату и заперся на ключ, а потом оттуда спрашивал: “Вышел ли Достоевский? Скажите мне, когда он выйдет, — я не могу его видеть”. Достоевскому это казалось напускным» (4, с. 106–107).

8 июня был проведен формальный допрос Д., ответы на вопросных листах он вписывал тут же, в **К. д.**, непосредственно в присутствии членов Следственной комиссии (более пространные показания Д. записывал в каземате *Секретного дома Алексеевского рavelина*). Писатель вызывался в **К. д.** на допросы также 11, 17 и 20 июня.

«На 42-м заседании комиссии 20 июня читалось письменное показание Ф. М. Достоевского, в котором он высказывался, что большая часть показаний обвиняемых относительно крайнего направления Петрашевского справедливы, что в собраниях у Петрашевского говорилось (Головинским) о необходимости бунта для освобождения крестьян, а на собраниях у Дурова обсуждался вопрос об устройстве тайной типографии, отвергнутый, однако ж, собранием...» (3, с. 59).

До 25 августа Д. также дает показания о знакомстве с В. Р. Зотовым, Вал. Н. Майковым, А. П. Милюковым, Н. А. Мордвиновым и др. 17 сентября Следственная комиссия закончила свою работу, представив военному министру светлейшему князю А. И. Чернышеву Записку из произведенного ею следственного дела и Список из 28 лиц, обвиняемых по этому делу (5, с. 190). Дальнейшее рассмотрение дела было передано в Военно-судную комиссию.

В конце июня — начале июля, специально вызвав Д. для этого в К. д., князь П. П. Гагарин сообщил ему об освобождении из-под ареста его старшего брата Михаила (ДЗ0; 22: 135). 20 октября Д. был приведен в К. д., чтобы дать подписку по завершении работы Военно-судной комиссии. «К оправданию своему, — написал он, — не имею представить ничего нового, кроме разве того, что я никогда не действовал с злым и преднамеренным умыслом против правительства» (ДЗ0; 18: 173).

Последний раз Д. побывал в К. д. вечером 24 декабря 1849 г. Здесь в «большой комнате, в нижнем этаже», состоялась его встреча с братом Михаилом и А. П. Милюковым, получившими разрешение коменданта И. А. Набокова попрощаться с осужденным Д. и его товарищем по несчастью С. Ф. Дуровым перед их отправкой в Сибирь. «Оба уже одеты были в дорожное арестантское платье — в полушубках и валенках». «Смотря на прощанье братьев Достоевских, — вспоминал Милюков, — всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его. <...> Более получаса продолжалось наше свидание, но оно показалось нам очень коротким, хотя мы много-много переговорили» (5, с. 268, 269–270). Сразу же после прощания, писал Д. брату через четыре года, по выходе с каторги, «нас повели, троих: Дурова, Ястржембского и меня, заковывать». В этот вечер накануне Рождества Д. «первый раз надел кандалы» (ДЗ0; 28₁: 167). Но в каком здании и помещении Петропавловской крепости его заковывали, неизвестно.

Лит.: (1) Достоевский А. М.; (2) Первые русские социалисты; (3) Гроссман; (4) Биография; (5) Егоров; (6) Д. в воспоминаниях. Т. 1.

Маршрут на Семеновский плац. Утром 22 декабря 1849 г. Д. и двадцать его товарищей, осужденных за участие в социалистическом кружке М. В. Петрашевского, были доставлены из Петропавловской крепости, где они находились в заключении в течение восьми месяцев, на *Семеновский плац* — для проведения инсценировки обряда смертной казни и затем, после объявления монаршего решения о смягчении наказания, для оглашения реальных приговоров. Как и многие другие детали разыгрываемой по инициативе императора Николая I «акции», маршрут, которым петрашевцев должны были доставить из крепости на «Семеновское плац-парадное место»,

был предписан в «высочайше утвержденном проекте приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками». Списки с проекта накануне вечером были разосланы в канцелярии всех должностных лиц, которые обеспечивали осуществление подробно определенных мероприятий. В частности, в проекте было означено:

«22-го сего декабря, в 9 часов утра, привезти к тому (Семеновскому плац-парадному. — Б. Т.) месту преступников в каретах. Впереди и сзади поезда находиться по одному взводу от С.-Петербургского жандармского дивизиона. Ехать рысью из крепости, через Неву, на Гагаринскую пристань, по набережной до Арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское плац-парадное место.

При каждом экипаже, с обеих сторон, быть по одному конному жандарму, а впереди поезда плац-адъютанту верхом» (I, с. 258).

Вместе с тем анализ проекта в соотношении с иными мемуарными, эпистолярными, документальными свидетельствами обнаруживает, что, возможно, по причине чрезвычайной краткости времени, выделенного на подготовку «мероприятия», в ряде пунктов имели место отступления от предписаний проекта. Обратить на это внимание важно в том числе и при рассмотрении вопроса о маршруте, которым петрашевцы были доставлены к месту экзекуции. Дело в том, что в воспоминаниях участников события, и прежде всего некоторых из арестантов, доставленных утром 22 декабря из Петропавловской крепости, имеют место существенные разногласия в описании пути следования к Семеновскому плацу. Так, в мемуарах Д. Д. Ахшарумова читаем:

«Из коридора (гауптвахты, где он был заключен. — Б. Т.) я выведен был на крыльцо, к которому подъехала сейчас же карета, и мне предложено было в нее сесть. Когда я сел, то вместе со мною влез в карету и солдат в серой шинели и сел рядом — карета была двухместная. Мы двинулись, колеса скрипели, катясь по глубокому, морозом стянутому снегу. Оконные стекла кареты были подняты и сильно замерзлые, видеть через них нельзя было ничего. <...> Мы ехали, я ногтем отскабливал замерзший слой влаги от стекла и смотрел секундами — оно тускнело сейчас же. <...> Я усердно дышал на стекло, отчего удавалось минутно увидеть кое-что из окна. Так ехали мы несколько минут, переехали Неву; я беспрестанно скоблил ногтем или дышал на стекло.

Мы ехали по Воскресенскому проспекту, повернули на Кирочную и на Знаменскую, — здесь опустил я быстро и с большим усилием оконное стекло. Сосед мой не обнаружил при этом ничего неприятного, — и я с полминуты любовался давно не виданной мною картиной пробуждающейся в ясное зимнее утро столицы; прохожие шли и останавливались, увидев перед собою небывалое зрелище — быстрый поезд экипажей, окруженный

со всех сторон скачущими жандармами с саблями наголо! <...> Я выглянул в окно и увидел впереди и сзади карет эскадроны жандармов. Вдруг скакавший близ моей кареты жандарм подскочил к окну и повелительно и грозно закричал: «Не оттуливай!» Тогда сосед мой спохватился и поспешно закрыл окно. Опять я должен был смотреть в быстро исчезающую щелку! Мы выехали на Лиговку и затем поехали по Обводному каналу. Езда эта продолжалась минут тридцать. Затем повернули направо и, проехав немного, остановились; карета отворилась предо мною, и я вышел.

Посмотрев крутом, я увидел знакомую мне местность — нас привезли на Семеновскую площадь» (2, с. 247–248).

Не может не броситься в глаза, что маршрут, описанный мемуаристом, серьезно отличается от того, который был определен в высочайше утвержденном проекте. По существу, лишь в начальной, безальтернативной части — «из крепости, через Неву, на Гагаринскую пристань», располагавшуюся против Гагаринской улицы, — путь в мемуарах Ахшарумова совпадает с предписанием проекта. Однако затем вместо поворота с Воскресенской набережной (Шпалерной улицы) на Литейный проспект, мимо расположенного в самом его начале Арсенала, его, по версии мемуариста, провезли до Воскресенского проспекта (ныне проспект Чернышевского). И далее — по Кирочной и Знаменской (ныне Восстания) улицам, по набережной Лиговского канала и, наконец, от Новообводного моста — по набережной (шоссе) Обводного канала, к которой и примыкал в своей южной части Семеновский плац, отделенный от нее лишь земляным валом и хозяйственными постройками. Стоит подчеркнуть, что, хотя в какой-то части маршрута возможность отслеживать путь была у Ахшарумова ограничена, на Знаменской улице он смог опустить заледеневшее оконное стекло экипажа, и, значит, в этой части его свидетельство как будто вполне достоверно: маршрут, которым его везли по петербургским улицам, был отличным от определенного в проекте.

Однако существуют и иные свидетельства. Так, барон А. Е. Врангель вспоминал, как, гостя у своего дяди, барона Н. А. Корфа, жившего «в маленьком деревянном одноэтажном доме гр. Аракчеева на углу Литейной и Кирочной» (ныне на этом месте здание Дома офицеров Западного военного округа; соврем. адрес: Литейный просп., № 20/1), утром 22 декабря 1849 г., «часов в восемь утра», он увидел в окно «целую вереницу двуконных возков-карет, едущих со стороны р<еки> Невы вверх по Литейной улице по направлению к Невскому». Другой его дядя, В. Е. Врангель, объяснил ему, что «это везут на Семеновский плац петрашевцев, приговоренных к смертной казни» (3, с. 6). Свидетельство барона Врангеля, напротив, вполне точно соответствует предписанию проекта.

О том же свидетельствуют и воспоминания петрашевца Н. С. Кашкина, который отметил исключительно значимую для себя деталь маршрута, которым его везли на Семеновский плац:

«Случилось так, что меня везли по той улице, на которой была квартира моего отца. Поравнявшись с домом, я выглянул и увидел отца и братьев в окне выступа дома, а около подъезда стояли запряженные сани, в которых сидела мать. Я инстинктивно потянулся, чтобы открыть оконце кареты, но солдат сурово сказал: “Нельзя”. Я видел только, что мать поехала за мной» (2, с. 321).

Родители Кашкина жили на Владимирском проспекте, в доме наследников генерал-лейтенанта Александра Берхмана, № 78 (соврем. № 19), против Владимирской церкви (2, с. 319; 4). В двух шагах от дома Берхмана начинался Загородный проспект, который вел прямо к Семеновскому плацу. Воспоминания барона Врангеля и петрашевца Кашкина, каждое по отдельности и оба в совокупности, точно соответствуют указаниям «высочайше утвержденного проекта». Еще одному петрашевцу, Н. А. Спешневу, также «казалось», что его везли «по Литейной», однако и он вспоминал, что «был мороз и сквозь обледенелые окна кареты нельзя было хорошенько разобрать, по какой дороге везут» (5, с. 117).

Как разрешается это противоречие в краеведческой литературе и биографических исследованиях? Никак: оно осталось практически незамеченным. У редких авторов маршрут указан в соответствии с «высочайше утвержденным проектом» (6, с. 111). Большинство же некритически абсолютизируют описание Д. Д. Ахшарумова (7, с. 112; 8, с. 226; 9, с. 239). На свидетельство барона Врангеля есть лишь единственная ссылка (10, с. 175). И никто не учитывает уникальную черту в воспоминаниях Н. С. Кашкина, которого провозят к Семеновскому плацу мимо родительского дома. Более того, принимая как единственное и достоверное свидетельство Ахшарумова, исследователи не отмечают его противоречия с «высочайше утвержденным проектом исполнения приговора». Однако вся совокупность рассмотренных данных скорее заставляет считать свидетельство Ахшарумова абберрацией памяти мемуариста, в то время как характер воспоминаний Врангеля и Кашкина исключает такую интерпретацию. Однако нельзя полностью исключить и другое: что на каком-то этапе подготовки экзекуции было принято решение везти петрашевцев на Семеновский плац *двумя маршрутами*. Такое предположение нельзя признать совершенно беспочвенным. Оно, однако, чревато новой проблемой: в таком случае придется признать, что нам не дано установить, какой же дорогой 22 декабря 1849 г. был привезен из Петропавловской крепости к месту экзекуции Д.

Лит.: (1) Бельчиков; (2) Первые русские социалисты; (3) Врангель; (4) Цылов. Атлас. Л. 106, с. 21; (5) Биография; (6) Чулков; (7) Саруханян; (8) Басина; (9) Сараскина; (10) Летопись. Т. 1.

Семеновский плац. Другие названия XIX в.: Семеновское плац-парадное место; Семеновская площадь. На рубеже XVIII и XIX вв. на этой территории, находившейся на дальней окраине Петербурга, были расквартированы Московский, Егерский и Семеновский полки. В результате казарменной застройки была образована площадь в 26 гектаров, которая стала использоваться как плац. В 1840-е гг. границами **С. п.** являлись с северной стороны Загородный проспект, с восточной — Седьмая линия (ныне Звенигородская улица), с южной — Обводный канал (отделенный от плаца земляным валом), с западной — линия Царскосельской железной дороги. С трех сторон, кроме западной, по периметру плаца располагались сараи, конюшни, кузницы и др. постройки Семеновского и Егерского полков. В северо-западном углу, напротив Введенской церкви, стоял офицерский флигель (1). В настоящее время территория бывшего **С. п.** рассечена на две части продолжением улицы Марата. В южной части, которая примыкает к Обводному каналу, разбит Багратиновский сквер и возведены современные постройки. В центре северной части, обращенной к Загородному проспекту, в 1962 г. построено здание Театра юных зрителей им. А. А. Брянцева с окружающим его садом. Территория между театром и Загородным проспектом образует Пионерскую площадь.

В 9 часов утра 22 декабря 1849 г. на **С. п.** из Петропавловской крепости были привезены Д. и двадцать его товарищей, осужденных учрежденной по высочайшему повелению Военно-судной комиссией за участие в кружке М. В. Буташевича-Петрашевского. Здесь они были подвергнуты обряду подготовки к смертной казни, который оказался инсценировкой, осуществленной по проекту, инициированному и утвержденному императором Николаем I. События развивались следующим образом.

В течение ночи против середины вала был воздвигнут эшафот размером четыре на четыре сажени и высотой в сажень, с лесенкой для подъема, обтянутый черной траурной тканью. Неподалеку от эшафота, «саженей на десять и более», в землю были врыты три столба. На плац были выведены войска — два батальона лейб-гвардии Егерского и Московского полков и дивизион Конно-гренадерского полка, выстроенные в каре лицом к эшафоту. На валу с южной стороны плаца расположились зрители — «толпа народа» «до 3000 человек» (2, с. 153). Мороз был 21 градус по Реомюру (то есть более 26°C).

Осужденных привезли в каретах по одному с конвойным солдатом внутри и с двумя конными жандармами с обеих сторон каждого экипажа. Впереди и сзади «поезд» сопровождался двумя взводами С.-Петербургского жандармского дивизиона. Подвезенные к самым войскам, петрашевцы по

выходе из карет были встречены священником в погребальном облачении с крестом и Евангелием и проведены вдоль всего фронта выстроенных войск до эшафота. На эшафоте они были поставлены спиной к городскому валу в определенном порядке, каждый с конвойным солдатом за спиной: по правому фасу тремя рядами Петрашевский, Григорьев, Момбелли; Львов, Спешнев, Ястржембский; Дуров, Достоевский, Толль — всего девять человек; по левому фасу, также по трое в ряд, — остальные двенадцать. Войскам была дана команда «На караул!» Петрашевцам — «Шапки долой!» (3, с. 250). Вслед за этим под барабанную дробь взошедший на эшафот аудитор зачитал каждому из осужденных приговор с изложением состава его преступления. Двадцать один приговор читался в течение получаса. Восьмой приговор звучал так: «Отставного инженер-поручика Федора Достоевского (27 лет) за участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против православной Церкви и верховной Власти и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против Правительства подвергнуть смертной казни расстрелянием» (4).

По свидетельству Н. С. Кашкина, «формулу обвинения и наказания» петрашевцы выслушивали, уже будучи одетыми в «саваны» — белые балахоны с колпаками и длинными рукавами (3, с. 321). Д. Д. Ахшарумов, напротив, вспоминал, что это произошло уже после оглашения приговора: «...солдаты, стоявшие сзади нас, одевали нас в предсмертное одеяние» (3, с. 251). Но оба единодушны в том, что они были уже в балахонах, когда на эшафот взошел священник. Одновременно принесли и поставили на эшафоте аналой, и священник, поместившись на противоположном входу конце, произнес проповедь: «Братья! Пред смертью надо покаяться... Кающемся Спаситель прощает грехи...» и т. д., завершив ее призывом осужденных к исповеди (3, с. 251). Исповедоваться вышел один лишь К. И. Тимковский (по другой версии мещанин П. Г. Шапошников). Священник, «видя, что более никто не обнаруживает желания исповедаться, подошел к Петрашевскому с крестом и обратился к нему с увещанием, на что Петрашевский ответил ему несколькими словами». Священник «поднес к устам его крест, и Петрашевский поцеловал крест». Вслед за этим священник обошел всех и «все приложились к кресту». По завершении обряда «раздался голос генерала, сидевшего на коне возле эшафота (скорее всего, петербургского коменданта генерал-майора барона Н. А. Зальца, отвечавшего за организацию всех мероприятий во время экзекуции на С. п. — Б. Т.): “Батюшка! Вы исполнили всё, вам больше здесь нечего делать!”» (3, с. 251).

После этого трех осужденных, стоявших первыми с правой стороны эшафота, — Петрашевского, Момбелли и Григорьева — свели вниз, привязали к столбам, завязали им глаза и накинули на головы колпаки. «По привязании преступников», как предписывал «проект приведения в исполнение приговора», к ним выдвинулись «на 15 шагов 15 рядовых, при

унтер-офицерах, с заряженными ружьями» (5, с. 259). Начальствующий командовал «прицель». «Момент этот был поистине ужасен, — вспоминал стоявший на эшафоте Д. Д. Ахшарумов. — Видеть приготовление к расстрелянию, и притом людей близких по товарищеским отношениям, видеть уже наставленные на них почти в упор ружейные стволы и ожидать — вот прольется кровь и они упадут мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно...» (3, с. 252).

По воспоминаниям жены, Д. рассказывал об этих минутах так:

«На нас уже одели смертные рубашки и разделили по трое, я был восьмым, в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через две-три минуты оба ряда были бы расстреляны, и затем наступила бы наша очередь» (6, с. 111).

«Он ощущал только мистический страх, весь находился под влиянием мысли, что через каких-нибудь пять минут перейдет в другую, неизвестную жизнь...» (7, с. 119).

Видимо, в этот момент Д. сказал стоявшему близ него (перед ним) Спешневу: «*Nous serons avec le Christ* [Мы будем вместе с Христом, *фр.*]» — «*Un peu de poussière* [Горстью праха, *фр.*]» — ответил тот (3, с. 58). Брату Михаилу Д. писал в тот же день об этих мгновениях: «Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый!» Он «успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними» (Д30; 28; 161).

Но «тут, по словам Спешнева, махнули платком — и казнь была оставлена» (7, с. 119). Раздался барабанный бой. Ружья, уже «прицеленные, вдруг были подняты стволами вверх». Оказалось, что «приехал какой-то экипаж, оттуда вышел офицер — флигель-адъютант — и привез какую-то бумагу, поданную немедленно к прочтению» (3, с. 252). По другой версии, этот флигель-адъютант тайно находился на С. п. с самого начала инсценировки обряда. Вслед за этим «отвязали жертвы от столбов и привели обратно на эшафот. Объявили, что император дарует преступникам жизнь и заменяет казнь другими наказаниями» (3, с. 58). По распоряжению генерал-адъютанта С. П. Сумарокова, командовавшего войсками на С. п., обер-аудитор зачитал петрашевцам реальные приговоры, утвержденные императором Николаем I по ходатайству генерал-аудиториата. Приговор Д. гласил: «...лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях <...> “на четыре года, а потом рядовым”» (5, с. 180).

К каторжным работам приговорены были первые девять петрашевцев, стоявшие на эшафоте в три ряда по правому фасу. Именно у них, и только у них, в знак лишения всех прав состояния над головами были переломлены (заранее подпиленные) шпаги. Но остается не вполне ясным, в какой момент это было осуществлено. Согласно «высочайше утвержденному проекту»,

«у дворян снимается мундирная одежда и переламываются над головою шпаги, собственно у тех, которые назначены в каторжную работу» (5, с. 259), — сразу же по прочтении смертного приговора, еще прежде появления на эшафоте священника. Однако в письме брату Михаилу, написанном сразу же после возвращения с **С. п.** в Петропавловскую крепость, Д. описывает события в иной последовательности:

«...всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи)» (Д30; 28₁: 161).

В такой же последовательности перечисляет совершенные над ними действия и Н. С. Кашкин (3, с. 323). Ахшарумов же вообще относит церемонию преломления шпаг в заключительную часть обряда — уже после оглашения реальных приговоров (что представляется наиболее логичным) (3, с. 253). Отдать предпочтение какому-то одному свидетельству затруднительно.

Приговоренного к каторжным работам М. В. Петрашевского заковали в кандалы здесь же, на эшафоте. Его единственного увозили в Сибирь в санях с фельдъегерем прямо с **С. п.** «Я хочу проститься с моими товарищами!» — сказал он. «Это вы можете сделать, — последовал великодушный ответ». «Он подошел к Спешневу, — вспоминал Ахшарумов, — сказал ему несколько слов и обнял его, потом подошел к Момбелли и также простился с ним, поцеловав и сказав что-то. Он подходил по порядку, как мы стояли, к каждому из нас и каждого поцеловал, молча или сказав что-нибудь на прощание» (3, с. 253). «Нехорошо распорядились тем, что допустили *Петрашевского* обойти всех преступников для прощального поцелуя...» — неодобрительно отметил находившийся на **С. п.** жандармский полковник Васильев (2, с. 154).

По завершении всего действия каждому из петрашевцев дали «арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такие же сапоги». Поскольку петрашевцы были привезены на **С. п.** и стояли всё время на морозе сначала в весенней одежде, в которой они были арестованы, а затем в белых холщовых саванах, «тулупы, каковы бы они ни были <...> были поспешно надеты, как спасение от холода, а сапоги велено было самим держать в руках» (3, с. 253). Стали подъезжать кареты, и тем же порядком, по одному с конвойным солдатом в экипаже, с конными жандармами с двух сторон, петрашевцы были отправлены с **С. п.** назад в Петропавловскую крепость.

В тот же день в письме к старшему брату Михаилу Д. описал события экзекуции на **С. п.** (Д30; 28₁: 161–162).

Через девятнадцать лет в романе «Идиот» устами князя Мышкина Д. выразит свои переживания на **С. п.** в рассказе о человеке, который «был раз

взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление», а «минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания...» (ДЗ0; 8: 51). См.: *Введения во храм Пресвятой Богородицы церковь*.

Лит.: (1) Цылов. *Атлас*. Лл. 123, 126; (2) *Петрашевы*. 1907; (3) *Первые русские социалисты*; (4) *Русский инвалид*. 1849. 22 декабря. № 276. С. 1102; (5) *Бельчиков*; (6) *Достоевская*; (7) *Биография*.

Введения во храм Пресвятой Богородицы церковь. Выстроенный по проекту архитектора К. А. Тона в русско-византийском стиле пятикупольный храм был возведен для расквартированного в этом районе Петербурга лейб-гвардии Семеновского полка. Заложен 22 августа 1837 г.; основные работы были закончены к 1839 г.; 21 ноября 1842 г. в присутствии императора Николая I состоялось освящение храма. Церковь была закрыта в 1932-м, снесена в 1933 г. Располагалась напротив *Семеновского плаца* (его северо-западной части, примыкавшей к станции Царскосельской железной дороги), по другую сторону Загородного проспекта (ныне территория Введенского сквера; место бывшего храма отмечено памятным знаком).

Судя по некоторым воспоминаниям, 22 декабря 1849 г. привезенные из Петропавловской крепости петрашевцы были взведены на эшафот и размещены так, что лица их были обращены в сторону Введенской церкви: «За спинами осужденных находился существовавший в то время на Семеновском плацу земляной вал» (1, с. 323).

В исследовательской литературе утвердилось мнение, что в романе «Идиот» в рассказе князя Мышкина о человеке, который «был раз взведен, вместе с другими, на эшафот <...> за политическое преступление», а «минут через двадцать прочтено было и помилование...» (ДЗ0; 8: 51), Д. воспроизвел свои собственные переживания во время оглашения смертного приговора на Семеновском плацу:

«Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжеле, как непрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!” Он говорил, что эта мысль у него наконец в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтоб его поскорей застрелили» (ДЗ0; 8: 52).

Согласно «высочайше утвержденному проекту проведения и исполнения приговора над осужденными злоумышленниками», петрашевцев должны были привести к месту экзекуции к 9 часам утра (2, с. 258). Именно в это время 22 декабря в Петербурге начинался восход солнца (3, с. 36). Таким образом, эпизод в романе «Идиот» внешними чертами вполне соответствует реалиям экзекуции на *Семеновском плацу*. Можно предположить, что священник «в погребальном облачении с крестом и св. Евангелием» (2, с. 258–259), участвовавший в инсценировке смертной казни над петрашевцами и призывавший осужденных к исповеди, был также из ближайшей к плацу Введенской церкви; оттуда же, по-видимому, был доставлен и аналой, водруженный на эшафоте (1, с. 251).

Лит.: (1) *Первые русские социалисты*; (2) *Бельчиков*; (3) *Месяцеслов на 1869 год*. СПб., 1868.

Этап в Сибирь (начальная часть). Ровно в девять часов вечера 24 декабря 1849 г. из ворот Петропавловской крепости выехало четверо саней (1, с. 270). В трех санях везли петрашевцев Сергея Дурова, Ивана Ястржембского и Д., вместе с каждым находилось по жандарму. В четвертых санях ехал сопровождавший их до Тобольска поручик фельдъегерского корпуса Кузьма Прокофьев. «...Это был славный старик, — вспоминал Д., — добрый и человеколюбивый до нас <...>. Дорогой он нам сделал много добра. <...> Между прочим, он нас пересадил в закрытые сани, что нам было очень полезно, потому что морозы были ужасные» (Д30; 28₁: 167–168). Ехали уже в кандалах: полчаса назад их заковал крепостной кузнец. Позже узнали, что на каторге такие кандалы называются «мелкозвон». В них можно ехать или сидеть в камере, но ходить затруднительно, а работать вообще невозможно. В остроге новоприбывших узников сразу же перекуют в кандалы другой конструкции.

Поезд из четырех саней переехал по льду Неву, выехал на Гагаринскую пристань и с Воскресенской набережной повернул на Литейный проспект. Маршрут был знакомый: так позавчера петрашевцев везли на *Семеновский плац*. С Литейного, однако, повернули налево, на Невский. Их везли на Ярославль, и Шлиссельбургский тракт начинался за Александро-Невской лаврой.

Был поздний вечер Рождественского сочельника. «...Я в сущности был очень спокоен, — писал позднее Д. брату Михаилу, вспоминая эти минуты, — и пристально глядел на Петербург, проезжая мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности. Нас провезли мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освещение. Ты сказал мне (во время свидания в *Комендантском доме*. — Б. Т.), что у него елка, что дети с Эмилией Федоровной отправились к нему...» (Д30; 28₁: 167).

Достоевского Михаила квартира находилась на Невском проспекте в доме купца Мартына Неслинда, № 109 (соврем. № 104) (2, 3). До ареста Д. вместе

с младшим братом Андреем бывал в семье старшего брата каждое воскресенье. Сейчас окна их квартиры были погашены: невестка Эмилия Федоровна с детьми была на рождественском празднике в доме издателя «Отечественных записок», сам Михаил еще не успел вернуться домой после прощания с братом в Петропавловской крепости.

Квартира Андрея Александровича Краевского находилась на Невском проспекте в доме генеральши А. А. Александровой, № 85 (соврем. № 82) (4, с. 55, 62; 3), расположенном почти сразу после поворота с Литейного²⁰, несколько ранее по движению, чем дом Неслинда. Когда Д. смотрел на празднично освещенные окна квартиры Краевского, ему «стало жестоко грустно»: он представил себе веселящихся племянников и племянниц — своего крестника и любимца Федю, его братца Мишу и сестренку Машу. «Я как будто простился с детенками, — писал он спустя четыре года брату. — Жаль их мне было, и потом, уже годы спустя, как много раз я вспоминал о них, чуть не со слезами на глазах» (Д30; 28; 167).

Миновав Знаменскую площадь, четверка саней продолжила движение по Старо-Невскому проспекту, в его конце повернула налево и далее на Шлиссельбургский проспект, тянувшийся вдоль Невы. Это была последняя городская магистраль, заканчивавшаяся Шлиссельбургской заставой, располагавшейся у Рожковских провиантских магазинов (ныне район проспекта Обуховской обороны, № 26) (5, с. 10). За ней пролегла граница Северной столицы и далее — путь в неизвестность.

Вернется Д. в Петербург лишь спустя десять лет...

Лит.: (1) Д. в воспоминаниях. Т. 1; (2) Д30; 28; 165; (3) Цылов. Атлас. Л. 217, с. 166; (4) Греч. 1846; (5) Червяков.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-50090 а(ф).

¹ Эти данные далее будут уточнены.

² Все ссылки будут даны в последующем изложении.

³ Здесь и в дальнейшем перекрестные отсылки к конкретным статьям справочника-путеводителя «Петербург Достоевского-петрашевца» даются курсивными выделениями в изложении их заголовочной части.

⁴ Подробнее см. в моей книге: [Тихомиров, 2017: 37–40]. Здесь же указаны источники, а также дана критика ошибочного утверждения, широко представленного в краеведческой литературе, согласно которому весной 1846 г. Достоевский якобы жил в Кирпичном переулке.

⁵ Подробнее см.: [Тихомиров, 2017: 41–43].

⁶ См.: [Летопись: 138, 150, 152].

⁷ Согласно полицейской регистрации, писатель был «прописан» по данному адресу с 17 января 1848 г. (см.: [Бельчиков: 115]), но реально он мог поселиться здесь несколькими днями раньше.

⁸ Подробнее см.: [Тихомиров, 2017: 51–53].

- 9 См.: [Бельчиков: 93–94].
- 10 Схожим образом описывает свой арест младший брат писателя Андрей Достоевский, которого по ошибке вместо старшего брата Михаила в ту же ночь арестовали по месту его жительства в доме везенбергских купцов Петра и Фомы Нестеровых, в квартире Анны Дорошкевич, во 2-й роте Измайловского полка, № 1, на углу Царскосельского проспекта, № 6 (соврем. адрес: угол 1-й Красноармейской улицы, № 2 и Московского проспекта, № 27) (см.: [Достоевский А. М.: 168–171]).
- 11 Согласно данным Атласа Н. И. Цылова (Л. 64, с. 183), дом № 116 был разновысоким, частью 2-х-, частью 3-хэтажным; нижний этаж был каменным, верхние деревянными.
- 12 Из документов, приведенных Б. В. Федоренко, следует, что в 1845 г. Петрашевский занял отдельную квартиру № 13, потом в 1846 г. — № 11 и, наконец, № 9» [Федоренко: 130].
- 13 Надо полагать, что ко времени начавшихся многолюдных собраний Петрашевский уже перебрался из квартиры № 11 в № 9. Во всяком случае, никто из мемуаристов не сообщает, что в период «пятничных» сборов имел место переезд хозяина из квартиры в квартиру.
- 14 На приложенной к изданию карте (Планшет № 1) П. Н. Столпянский вполне определенно обозначает место указываемого им 2-этажного деревянного домика, где, по его мнению, «в углу площади» проходили «пятницы» Петрашевского. Это № 116 по нумерации 1840-х гг. (Столпянский не называет номера) или левая часть участка, на которой сегодня стоит дом № 109. В тексте автор «Революционного Петербурга» описывает и соседний 5-этажный (уже 5-этажный!) дом («один из старейших домов в этой местности, ему около ста лет»), не отмечая, однако, что он также принадлежал Петрашевским (№ 118 по нумерации 1840-х гг., № 111–113 по современной нумерации). Доверившись указанию П. Н. Столпянского, одни современные авторы называют исторический адрес Петрашевского (и соответственно места проведения «пятниц») по Большой Садовой, № 116 [Егоров: 225]. Другие же совершенно запутывают дело, когда, процитировав пассаж Столпянского про «деревянный, маленький домик», сообщают, что «ныне на участке, где стоял домик Петрашевского, высятся многоэтажные каменные дома под номерами 111 и 112 [так!] по Садовой улице» [Саруханян: 69]. Парадоксально возникший на нечетной стороне улицы дом № 112, судя по всему, опечатка. Но, исправив ее, мы получим современный № 111–113, то есть как раз место второго — 4-этажного каменного — дома Петрашевских. Ср. тождественный повтор данных Саруханян, вплоть до нелепой опечатки, у С. В. Белова: «...сейчас здесь каменные дома под номерами 111 и 112 по Садовой улице» [Белов, 2002: 84].
- 15 В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» [Летопись, 1: 147] приведен исторический адрес дома по Гороховой улице, № 64, где квартировали С. Ф. Дуров, А. И. Пальм и А. Д. Щелков, но современный номер не указан, что не позволяет установить его нынешнее местоположение. Исторический дом не сохранился, на его месте сейчас здание постройки начала XX в. (№ 61).
- 16 Указанный в воспоминаниях Яновского адрес дома действительного статского советника Василия Богдановича Шольца подтверждается петербургским справочником конца 1840-х гг. (см.: [Цылов. Атлас. Л. 49, с. 263]). В новейшей публикации К. А. Баршт (см.: Письмо С. Д. Яновского к О. Ф. Миллеру от 8/20 ноября 1882 года / публ. К. А. Баршта // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 368–369) предпринимает попытку дезавуировать аутентичность этого адреса со ссылкой на более позднюю адресную книгу, в которой жительство самого В. Б. Шольца показано «по Демидовск<ому> пер. в д<оме> Шпехта» (Путеводитель. 60, 000 адресов

- из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочия. 1854. СПб., [1853]. С. 227, 1-я паг.). Однако в XIX в. домовладельцы далеко не всегда жили в собственном доме, и показание «Атласа...» Н. И. Цылова снимает всякие сомнения. Кроме того, дом Шольца на Обуховском проспекте показывает и справочник 1854 г., к которому апеллирует К. А. Баршт (см.: Там же. С. 42, 2-я паг.).
- 17 Здесь Григорьев ошибочно поименован «Александром Петровичем».
- 18 См.: [Летопись, 1: 162].
- 19 В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» [Летопись, 1: 163] ошибочно указано, что Следственная комиссия была учреждена 26 апреля 1849 г. Так же ошибочно в состав Следственной комиссии здесь включен князь А. Ф. Голицын. 26 апреля 1849 г. была учреждена Комиссия для разбора бумаг и книг арестованных под председательством князя А. Ф. Голицына (этот факт в «Летописи...» не отмечен) (см.: [Егоров: 174]).
- 20 В примечаниях Д30 ошибочно указано, что в 1849 г. «А. А. Краевский жил в собственном доме на углу Литейного проспекта и Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова)» (Д30; 28₁: 452). Этот дом был приобретен Краевским только в 1857 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алянский Ю. Л. Веселящийся Петербург: по материалам собрания Г. А. Иванова. — СПб.: Прана, 1992–2002. — Т. 1–6 (издание не завершено).
2. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX в.: справочник / сост. А. М. Гинзбург и Б. М. Кириков. — СПб.: Пилигрим, 1996. — 397 с.
3. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов / сост. Н. Цылов. [СПб., 1849]. — Репринтное воспроизведение. — М.: Центрполиграф, 2003. — [2], [3], [1], [1], [3] с.; 392 л.; [2], [1], [4], 279, 40 с.
4. Басина М. Я. Сквозь сумрак белых ночей: документальная повесть. — Л.: Детская литература; Ленингр. отд., 1979. — 231 с.
5. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 1. — 573 с.; Т. 2. — 544 с.
6. Белов С. В. Петербург Достоевского: научное издание. — СПб.: Алетейя, 2002. — 355, [28] с.
7. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. — М.: Наука, 1971. — 296 с.
8. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. — 332, 375, 122, V с. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1).
9. Волгин И. Л. Пропаший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. — М.: Либеря, 2000. — 704 с.
10. Врангель А. Е., барон. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири: 1854–56. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. — 221 с.
11. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. — 3-е изд. — М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1960–1963.
12. [Греч А. Н.] Весь Петербург в кармане: справочная книга для столичных жителей и приезжих. С новейшим планом С.-Петербурга. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. — [2], VI, 174 с.; 1 л. фронт. (план).
13. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л. Academia, 1935. — 382, [1] с.

14. Дело петрашевцев: в 3 т. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1951.
15. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.; ил.
16. Достоевский А. М. Воспоминания / вступ. ст., подгот. и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 399 с.
17. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
18. Егоров Б. Ф. Петрашевцы. — Л.: Наука, 1988. — 237 с.; ил.
19. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. — 2014. — № 3. — С. 287–296.
20. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
21. Первые русские социалисты: воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б. Ф. Егоров. — Л.: Лениздат, 1984. — 392 с.; ил.
22. [Перлина Н. М.] Следственное дело М. М. Достоевского-петрашевца // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 254–265.
23. Петрашевцы. — М.: Изд. В. М. Саблина, 1907. (Политические процессы Николаевской эпохи; [вып. 2]). — [5], 160, 4 с.
24. Петрашевцы: сб. материалов: в 3 т. / под ред. П. Е. Щеголева. — М.; Л.: Государственное издательство, 1926–1928.
25. Пинчук В. А. Из жизни Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 37–38.
26. Путеводитель по С.-Петербургу. С приложением программ всех учебных заведений и 6-ти планов Петербурга / сост. и издал А. П. Червяков. — СПб., 1865. — 308; 144 с.
27. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 825, [7] с.; ил. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1320).
28. Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1972. — 279 с.
29. Список лицам, посещавшим с 11 марта 1849 года собрания Петрашевского <по> Пятницам // Общество пропаганды в 1849: собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций. — Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1875. — С. 39–62. (Международная библиотека; т. IX).
30. Столпянский П. Н. Революционный Петербург: у колыбели русской свободы. — СПб.: Колос, 1922. — 208; [16] с.
31. Тихомиров Б. Н. С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. — СПб., 2012. — 261 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124493032.pdf>
32. Тихомиров Б. Н. Книги, бывшие у Ф. М. Достоевского во время пребывания в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (1849): опыт реконструкции // Известный Достоевский. — 2015. — № 3. — С. 68–83 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449054179.pdf (01.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2484
33. Тихомиров Б. Н. «А живу в доме Шиля...»: Адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881: исследование. — СПб.: Серебряный век, 2017. — 152 с., ил.
34. Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. — 2-е изд., испр. — СПб.: Кузнечный переулоч, 2018. — 224 с.

35. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990.
36. Федоренко Б. В. Здесь они встречались по пятницам (Достоевский в доме у Покрова) // Достоевский и мировая культура. — СПб.: Серебряный век, 2001. — № 16. — С. 123–133.
37. Чулков Г. И. Жизнь Достоевского. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 467 с. (Сер. «Источниковедение литературы XX века»; вып. 1)
38. Яновский С. Д. Болезнь Ф. М. Достоевского // Новое время. — 1881. — 24 февраля. — № 1793. — С. 2–3.

Boris N. Tikhomirov

*The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

btkhomirov@rambler.ru

Saint Petersburg of Dostoevsky as a Petrashevsky's Circle Member (an Experience of Composing a Guide-book)

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 17-04-50090 а(ф).

Abstract. The publication is an experience of composing a Saint Petersburg guide-book by Dostoevsky as a Petrashevsky's circle member. All the addresses of the Northern capital more or less significant for the Dostoevsky's biography as the member of the Petrashevsky's socialist circle, get described in a systematic manner. Besides, the life events of the writer related to this or that address get published. All the data are provided with documentary, memoir and epistolary sources. Each article is dedicated to a particular address, accompanied with the respective bibliography. The materials in the guide-book are put in a chronological order if possible: from the Wolf baker's shop where in May, 1846 Dostoevsky got acquainted with Petrashevsky, up to the Semyonovsky parade ground where in December, 1849 the false execution over the Petrashevsky's circle members was held and the route of escorting of the writer from the Peter and Paul Fortress to Siberia on Christmas Eve. Along with the historic addresses given in accordance with the documents of the 1840s the actual addresses of Dostoevsky's places of staying get indicated as well.

Keywords: Dostoevsky, Saint Petersburg, the Petrashevsky's circle members, local studies, addresses, routes, guide-book, sources

About the authors: *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum, the President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, Saint Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: July 5, 2019

Date of publication: September 14, 2019

For citation: Tikhomirov B. N. Saint Petersburg of Dostoevsky as a Petrashevsky's Circle Member (an Experience of Composing a Guide-book). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 18–66. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4181 (In Russ.)

REFERENCES

1. Alyanskiy Yu. L. *Veselyashchisya Peterburg: po materialam sobraniya G. A. Ivanova* [Merry St. Petersburg: Based on the Materials of the Collection of G. A. Ivanov]. St. Petersburg, Prana Publ., 1992–2002, vol. 1–6 (In Russ.)

2. *Arkhitektory-stroiteli Sankt-Peterburga serediny XIX — nachala XX v.: spravochnik* [Architects, Builders of St. Petersburg in the middle of the 19th Beginning of the 20th Century: Guide]. St. Petersburg, Piligrim Publ., 1996. 397 p. (In Russ.)
3. *Atlas trinadtsati chastey S.-Peterburga s podrobnym izobrazheniem naberezhnykh, ulits, pereulkov, kazennykh i obyvatel'skikh domov* [The Atlas of 13 Parts of St. Petersburg with Detailed Images of Embankments, Streets, Lanes, Public and Private Houses]. St. Petersburg. (Reprint Edition 1849). Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 862 p. (In Russ.)
4. Basina M. Ya. *Skvoz' sumrak belykh nochey: dokumental'naya povest'* [Through the Twilight of White Nights: Documentary Novel]. Leningrad, Detskaya literatura Publ., 1979. 231 p. (In Russ.)
5. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 573 p.; vol. 2. 544 p. (In Russ.)
6. Belov S. V. *Peterburg Dostoevskogo: nauchnoe izdanie* [Dostoevsky's Petersburg: Scientific Publication]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2002. 355, 28 p. (In Russ.)
7. Bel'chikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtssev* [Dostoevsky in the Trial of the Petrashevtsy]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 296 p. (In Russ.)
8. *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki F. M. Dostoevskogo. S portretom F. M. Dostoevskogo i prilozheniyami* [Biography, Letters and Notes from the Notebook by Fedor Dostoevsky. With a Portrait of F. M. Dostoevsky and Applications]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1883. 838 p. (Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh, vol. 1). (In Russ.)
9. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor: Dostoevskiy i politicheskiy protsess 1849 goda* [Missing Plot: Dostoevsky and State Trial of 1849]. Moscow, Libereya Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
10. Vrangel' A. E., baron. *Vospominaniya o F. M. Dostoevskom v Sibiri: 1854–56* [Memories About F. M. Dostoevsky in Siberia: 1854–1856]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1912. 221 p. (In Russ.)
11. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 tomakh* [History of the Royal Prison: in 5 Vols]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature Publ., 1960–1963. (In Russ.)
12. Grech A. N. *Ves' Peterburg v karmane: spravochnaya kniga dlya stolichnykh zhiteley i priezzhikh. S noveyshim planom S.-Peterburga* [All St. Petersburg in a Pocket: Reference Book for the Capital's Residents and Visitors. With the Updated Plan of St. Petersburg]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa Publ., 1846. 174 p. (In Russ.)
13. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh* [Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
14. *Delo petrashevtssev: v 3 tomakh* [The Petrashevsky Case: in 3 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1951. (In Russ.)
15. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
16. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memoirs]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 399 p. (In Russ.)
17. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
18. Egorov B. F. *The Petrashevtsy*. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 237 p. (In Russ.)

19. Zakharov V. N. Where did the Dostoevsky Archive of the 1840s Disappear? In: *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovznaniya* [Problems of Philology, Culturology and Art History], 2014, no. 3, pp. 287–296. (In Russ.)
20. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)
21. *Pervye russkie sotsialisty: vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevtssev v Peterburge* [The First Russian Socialists. Memoirs of Participants of the Petrashevsky Societies in St. Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 392 p. (In Russ.)
22. Perlina N. M. The Investigation Case of M. M. Dostoevsky as a Petrashevets. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 254–265. (In Russ.)
23. *The Petrashevtsy*. Moscow, Izdanie V. M. Sablina Publ., 1907. 164 p. (Political Trials of the Epoch of Nicholas; issue 2). (In Russ.)
24. *Petrashevtsy: sbornik materialov: v 3 tomakh* [The Petrashevtsy: Collection of Materials: in 3 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926–1928. (In Russ.)
25. Pinchuk V. A. From Facts of Life of F. M. Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1993, pp. 37–38. (In Russ.)
26. *Putevoditel' po S.-Peterburgu. S prilozheniem programm vsekh uchebnykh zavedeniy i 6-ti planov Peterburga* [The Guide-book to St. Petersburg. With the Information of the Programs of All Education Institutions and of Six Layouts of St. Petersburg]. St. Petersburg, 1865. 144 p. (In Russ.)
27. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (Ser. “Life of Outstanding People”; issue 1320). (In Russ.)
28. Sarukhanyan E. P. *Dostoevskiy v Peterburge* [Dostoevsky in St. Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1972. 279 p. (In Russ.)
29. A List of People Visiting the Meetings of the Petrashevsky's Circle on Fridays Since March 11, 1849. In: *Obshchestvo propagandy v 1849: sobranie sekretnykh bumag i vysochayshikh konfirmatsiy* [The Propaganda Society in 1849: Collection of Secret Papers and Imperial Confirmations]. Leipzig, E. L. Kasprovich Publ., 1875, pp. 39–62. (International Library; vol. 9). (In Russ.)
30. Stolpyanskiy P. N. *Revolutsionnyy Peterburg: u kolybeli russkoy svobody* [Revolutionary St. Petersburg: at the Cradle of Russian Freedom]. St. Petersburg, Kolos Publ., 1922. 208 p. (In Russ.)
31. Tikhomirov B. N. *S Dostoevskim po Nevskomu prospektu, ili Literaturnye progulki ot Dvortsovoy ploshchadi do Nikolaevskogo vokzala* [With Dostoevsky Along Nevsky Avenue, or Literary Walks from Palace Square to Nicholas Station]. St. Petersburg, 2012. 261 p. Available at: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124493032.pdf> (In Russ.)
32. Tikhomirov B. N. The Books F. M. Dostoevsky Had During His Detention in the Alexis Ravelin of the Peter and Paul Fortress (1849). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2015, no. 3, pp. 68–83. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449054179.pdf (accessed on July 1, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2484 (In Russ.)
33. Tikhomirov B. N. «A zhivu v dome Shilya...»: Adresa F. M. Dostoevskogo v Peterburge, izvestnye i neizvestnye. 1837–1881: issledovanie [“I Live in the House of Shil...”. Addresses of F. M. Dostoevsky in St. Petersburg, Known and Unknown. 1837–1881: Research]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2017. 152 p. (In Russ.)

34. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi* [*Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People*]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2018. 224 p. (In Russ.)
35. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. (In Russ.)
36. Fedorenko B. V. It Is Where They Used to Meet on Fridays (Dostoevsky in the House Near The Church of the Intercession). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [*Dostoevsky and World Culture*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2001, no. 16, pp. 123–133. (In Russ.)
37. Chulkov G. I. *Zhizn' Dostoevskogo* [*Life of Dostoevsky*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 467 p. (Ser. “Source Studies of the Literature of the 20th Century”; issue 1). (In Russ.)
38. Yanovskiy S. D. F. M. Dostoevsky's Disease. In: *Novoe vremya*, 1881, 24 February, no. 1793, pp. 2–3. (In Russ.)